

Екатерина
Запталова

ДОЛГАЯ ДОРОГА К СЧАСТЬЮ

Екатерина Запталова

Долгая дорога к счастью

<https://litres.ru/74668488>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда счастье настолько полно и всеобъемлюще, то кажется, что так будет вечно. Ты просто живешь и веришь в это. Но тем больнее и сложнее, когда судьба наносит удар...

Двое обычных людей...

Он бежит сам от себя, пытаясь справиться с потерей любимой жены.

Она безумно мечтает стать матерью и... тонет в чёрном омуте депрессии от неудачных попыток и предательства самого родного человека.

Однажды их жизненные пути пересекутся, и понемногу они поймут, что теперь у них одна дорога к счастью. Идти придется долго, будет трудно, придется заново научиться верить... Главное, пройти этот путь, разобраться в себе, помочь друг другу, выдержать, не сломаться. И тогда тлеющий огонек надежды превратится в ровный и мощный свет настоящей любви...

В книге: личные переживания, путь к мечте, осознание новых ценностей в жизни, любовь как она есть... А еще один маленький мальчишка и одна маленькая девчонка, которые не дадут скучать)

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Прошлое	8
Глава 2. Прошлое	13
Глава 3. Прошлое	15
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8. Прошлое и настоящее	27
Глава 9. Прошлое	37
Глава 10	41
Глава 11.1	46
Глава 11.2	52
Глава 12	62
Глава 13	64
Глава 14	68
Глава 15	71
Глава 16	74
Глава 17	77
Глава 18	80
Глава 19	90
Глава 20	93
Глава 21	96

Глава 22	100
Глава 23	102
Глава 24	105
Глава 25	109
Глава 26	114
Глава 27	116
Глава 28	120
Глава 29	124
Глава 30	128
Глава 31	133
Глава 32	135
Глава 33	138
Глава 34	142
Глава 35	144
Глава 36	150
Глава 37	154
Глава 38	159
Глава 39	164
Глава 40	166
Глава 41	168
Глава 42	173
Глава 43	177
Глава 44	182
Глава 45	185
Глава 46	187
Глава 47	192

Глава 48	195
Глава 49	198
Глава 50	200
Конец ознакомительного фрагмента.	203

Екатерина Запталова

Долгая дорога к счастью

Пролог

Входная дверь глухо гроыхнула, словно крышка гроба захлопнулась. Над всей её жизнью...

Тишина...

Молчаливая... Держит тебя, не отпускает...

И ты начинаешь слышать только, как тикают часы на стене в кухне...

Тик-так... Тик-так... Вот так...

Вот так, Аля... Вот так закончилось твоё счастье...

Аля отлепилась от стены, в которую до сих пор вжималась спиной, и медленно опустилась вниз. По лицу текли слезы, попадая солёными каплями на губы. Живот почему-то за- ныл, хотя болеть там уже было нечему.

Зато душа...

Душу вывернули наизнанку, потоптались по ней грязными ботинками, плюнули... Припечатав теми самыми словами, так больно ударившими по натянутым нервам...

"Надоело... Нытьё твоё, слезы... Всё это надоело... Я жить хочу..."

Вот так.

А она - не хочет...

Снова накатила тошнотворная слабость, и Аля поторопилась подняться, повернуть ключ в двери, поползла до ванной, умыв лицо, и без сил рухнула на смятую постель. Спасибо, хоть сон сразу навалился, ворочаясь в голове... тяжёлый, сумрачный, но дающий небольшую передышку...

Не думать... Не вспоминать...

Да только недолго она была в забытии. Очнулась через пару часов, а по-прежнему тишина... Равнодушно тикает в кухне, монотонно отмеряя её одиночество.

А воспоминания... Лезут и лезут, ей уже тошно вспоминать, но не может не думать... О том, как было... И как – теперь ...

Глава 1. Прошное

- Эй, мелкая! Я тут сижу, один, непонятно?

Парень взъерошил свои светлые волосы и уставился на новенькую голубыми, как лёд, глазами, окидывая любопытным взглядом худенькую фигурку в тёмных джинсах и белой толстовке.

- Здесь больше нет свободных мест, только это.

Аля не собиралась спорить - нет, так нет, но сесть в классе на самом деле некуда.

Они с минуту сверлили друг друга недовольными взглядами, потом парень вдруг махнул рукой:

- Ладно, фиг с тобой, сиди.

«Ну, спасибо, сделал одолжение». Аля, ничего не ответив, молча плюхнулась на стул и раскрыла учебник химии за десятый класс. Ей только сегодня выдали в библиотеке весь набор, рюкзак стал жутко тяжелым и распухшим, как обожравшийся бегемот.

Весь урок она увлечённо слушала маленькую, пожилую учительницу, вот могут же люди... Скучные формулы и все эти «ашдвао», а так рассказывает тему, что все рты пооткрывали, вон, Петька, местный заводила и раздолбай, даже пошутил:

- Лидия Григорьевна, а вы покажите нам какие-нибудь крутые опыты, взрывчик там какой-нибудь, а?

Та только отмахнулась и посоветовала парню повнимательнее смотреть в учебник, а то на практических занятиях он точно устроит взрывчик...

Настроение у всех такое... Весеннее... Делать вообще ничего не хочется, какие учебники, когда вон, теплынь в кои-то веки! И снег растаял! И подснежники! И небо синее-синее!

Аля зиму совсем не любила. Всегда чувствовала себя какой-то больной эти долгие месяцы унылого серого безнадёжья... Смешно, но отца всегда засылали в какой-нибудь забытый Богом гарнизон на краю чуть ли не вечной мерзлоты...

Нет, зима это, определенно, нелюбимое время года... А вот весна! Весна – это да! Клейкие почки на деревьях пахнут одуряюще, крошечные зеленые листочки, такие яркие и свежие, начинают проситься на свет. Вода в ручье неподалеку от школы журчит весело, бежит, переливается радостно на каменистом мелководье. Птички чирикают за окном – словно смеются над толстым вальяжным котом, который развалился на школьном крыльце, греет лохматые бока, а сам то и дело косится на скачущих неподалеку пичуг... Охотничек...

Аля улыбнулась, почесала рыжий бок и поднялась, шагая со ступенек, волоча тяжеленный рюкзак с учебниками. Тут осталось-то два месяца до окончания десятого класса, но вот... Отца перевели сюда, в новый гарнизон, и они с матерью, как вечные хвостики – за ним...

Девушка вдохнула теплый свежий воздух, а в руке вдруг

стало совсем легко. Она испуганно обернулась – льдистые голубые глаза смотрели прямо на нее, а рука уже перетянула ее рюкзак, отбирая.

- Давай донесу кирпичи эти твои, вон, перевешивают аж тебя, - пробурчал парень и закинул рюкзак на плечо, рядом со своим. - Куда тебе?

- Я... да мне тут десять минут... спасибо.., – Аля запнулась, не зная, как его зовут, ее соседа по парте.

- Олег я, Бойко Олег.

- А... а... Спасибо! А я - Аля.

- Видел. На тетрадках.

Десять минут до ее дома они шли два часа... Сначала вдоль реки, глядя, как сталкиваются в грязной воде остатки ледяных торосов, потом сидели на лавочке, кидая воробьям и голубям остатки булки...

Странно так было... Вроде и знакомы-то всего ничего, а будто сто лет друг друга знают...

И как-то оно само собой получилось, утром в школу – он ждет у подъезда, после уроков идут, нога за ногу, а то и вовсе сядут где-нибудь и говорят...

Народ в классе, как ни странно, даже не дразнился и не шутил, словно видели, что их тянет друг к другу не просто так... А то, дремлющее пока, чувство, что зарождалось между ними, было каким-то... как само собой разумеющееся.

Лето... Лето они пережили с трудом...

Олег уехал в свой лётный лагерь, он часами мог говорить

о самолетах, небе, полётах... Бредил всем этим, мечтал поступить в Летное и стать пилотом...

Аля... на другом конце страны, у бабушки с дедом, всегда там проводила летние каникулы, а сейчас так и подавно - в данной отцу квартире черт ногу сломит, родители все в ремонте, торопятся к осени закончить, всю весну на чемоданах прожили, ничего толком не было...

Три месяца звонков, бесконечных рассказов обо всем, лишь бы не замолчать, думая совсем о другом... Страшно не то что сказать, думать страшно о том, что без него... без нее... жизнь какая-то... как серый, грязный, дождливый день, тянется и тянется, не заканчиваясь...

В последний день лета – встреча...

Они другие... Олег вытянулся, загорел до черноты, светлые волосы совсем побелели, падая отросшими прядями на лицо... Аля, такая же хрупкая и маленькая, остановившись у спуска к реке, в своем простеньком зеленом платье, смотрела на парня, не зная, куда девать руки, не зная, куда саму себя деть от нахлынувших сумасшедшим потоком чувств... От его взгляда куда деться, пронизывающего, не верящего самому себе...

Они молчали, а казалось, что говорят. Глаза их говорят друг другу то, что они боятся сказать вслух. А потом случилось то, что должно было случиться... Что не может не случиться, когда тебе семнадцать, а в душе все переворачивается от того, что ты рядом с тем, кого...

Он поднял ладонь, осторожно касаясь пальцами ее щеки, заправил прядь выбившихся каштановых волос... И она ощутила, как ее губ коснулись несмело теплые, чуть обветренные губы...

Закрыла глаза, а он замер, боясь снова сделать это... То, о чем мечтал все лето, ждал, считал дни, потом часы до возвращения... Минуты считал, пока ждал ее здесь, на набережной...

- Аля, - голос хриплый... прерывается... Он не знал, как сказать ей, как объяснить то, что творится в мальчишеской душе, как дать ей понять, что он хочет...

Ее ладони легли ему на грудь, пальцы сжали тонкую ткань черной футболки.

- Аля, я...

- И я...

А, может быть, и слов не надо... Когда есть руки, чтобы обнять, есть губы, чтобы прикоснуться в первом поцелуе, есть глаза, говорящие все за тебя. И объяснять ничего не надо, итак все понятно...

И странно – оказывается, уже стемнело и пора домой...

Они же вот, только что встретились...

А уже – расставаться?

Глава 2. Прошное

Аттестаты... Неужели год пролетел? Школа окончена?

Классная утирает слезы...

Поздравления, пожелания легкого пути в новую, взрослую, жизнь...

Куда все они разлетятся? Куда поступать?

Олег – в свое, лётное авиационное...

Аля – на журналистское, в Москву... У нее тоже своя мечта...

Опять их разделяют, разрывают две половинки, снова звонки, снова ждать?

Время летит, кувыркается, словно снежный ком, наматывая месяц за месяцем... Сессии, общага, новые друзья, учеба, учеба, учеба...

И – ждать, ждать каникул, когда он приедет, выпросив у отца денег, снимет комнату где-то на окраине Москвы, чтобы быть здесь, где она... И снова они торопливо обнимают друг друга, слушая сердца... Наговориться не могут... молчат... рука в руке, поцелуи, прогулки допоздна...

Как быть дальше, когда стоишь на перроне, а он, такой же растерянный, шагает в вагон. Ехать, нужно ехать... Дверь захлопывается. А она стоит, смотрит, как тихо трогается поезд, и Олег появляется вдруг в окне, дергая старую створку, и кричит:

- Аля! Я люблю тебя, Аля!

Счастье есть... Оно там, в сердце, лежит, греется у огня...

Потому что – любовь...

Потому что – вдвоем...

Потому что – друг для друга...

Навсегда.

Глава 3. Прошлое

- Алька, - шепчет он, - я же не могу без тебя, Алька...
Давай поженимся, сейчас, завтра.

- Ты с ума сошел, учиться же еще... Олег, господи, да нам только вот двадцать будет.

- Вот и поженимся, я сдал все, я перевожусь сюда, в Москву, Аля.

- И как мы будем?

- Ну... как-нибудь? – он нервно ерошит светлые волосы, потом решается, - Аля, останься сегодня... здесь, останься... Я х-хочу тебя, Аля...

И она осталась, потому что у самой уже сил не было, большего хотелось в этих редких встречах... Его хотелось.

И это вспоминается – как тот самый пик счастья...

Лежать в его объятиях, касаться пальцами горячей кожи, отводить со лба мокрые волосы, любить... стать его, совсем его... слышать, как он, такой же растерянный и счастливый, шепчет ей все эти глупости и нежные слова, обещает... любить обещает... обещает... обещает...

Она потом и вспомнить толком не могла, как оно все закружилось... Заявления, родители в Москве, его родители тоже, пристальные взгляды, изучающие ее до кончиков ногтей. Комната... снята им, вскладчину, на деньги родителей, пока они учатся.

Третий курс... Свадьба... Сотрудница ЗАГСа что-то говорит, а они не слышат ничего, они смотрят друг на друга, на кольца, на букет цветов в ее руках...

Поцелуй... суета, смех, ее подружки, его друзья из Лётного... Кафе, снятое для торжества... И они...

Им не терпится остаться одним, вдвоем, любить, им не нужен никто, они есть друг у друга, совсем, навсегда... навсегда...

Глава 4

Алька отрывается от дивана, обхватывая ладонями голову, разрывающуюся от боли.

Идет в кухню, ставит чайник, ждет, пока тот закипит, фыркая паром...

Чайник надывается пронзительным свистом, а она все смотрит и смотрит на холодильник. Там, на самом верху, так и висит, словно насмехаясь над ней, единственный маленький магнитик «Сочи»...

Их первый отпуск, медовый месяц, неделя на Черном море, подаренная родителями. Им по двадцать, окончен третий курс, они счастливы, купаются, загорают, кормят друг друга спелой черешней...

Кричать хочется от этого счастья, переполняющего их души, чтобы все услышали, как хорошо им вдвоем...

Кричать... Зачем кричать... от боли... если от нее никуда не деться, не спастись...

А та же надпись «Сочи» прожигает насквозь, выдирая из сердца уже никому не нужную любовь, ее любовь... Ведь там, в этом Сочи, другая...

Аля, словно робот, насыпает в чашку ложку кофе, еще одну, ещё... забывает про сахар... садится к столу, делает глоток, даже не замечая горечи напитка...

А часы по-прежнему тикают, холодно, равнодушно, им не

нужно любить, они всего лишь отмеряют очередную минуту, час, день, год... Завтра заканчивается ее внеплановый отпуск, пришлось взять, чтобы отлежаться, зализывая очередную дыру в сердце. Думала, с ним, а оказалось – дыра двойная... И дна не видно... черного...

Завтра – снова в редакцию.

Завтра – снова улыбаться.

Завтра – снова жить.

Не потому, что хочется. А потому, что надо. Зачем – непонятно. Но – надо.

Без него жить.

Одной.

Навсегда?

Глава 5

Костя повернул ключ в замке, толкнул дверь, входя в квартиру.

Ну... Как всегда...

Пыльно, душно, затхло, тихо.

Как всегда, когда он в командировках или в походах по несколько месяцев. А это – часто, потому что быть здесь – это лишний раз вспоминать.

Её вспоминать, их недолгую счастливую жизнь вместе... слова... все, что сказаны и что он не успел сказать... её глаза, улыбку, смех, руки... ласковые...

И то, что вспоминать не хочется. Потому что – боль. Потому что оказалось, что время нихрена не лечит... Кто придумал эту сказочку, никогда не стоял, бросая последний ком земли на крышку гроба любимого человека...

Зачем она там, а он здесь?

Сколько задавать этот вопрос? Зная, что ответа нет и не будет... Ее больше не будет...

Месяц, год, два, три... А все, словно вчера – обмороки, скорые, шепот... страшные слова... рак... боль... крик, когда уже совсем край... Нет... её нет... Всё.

Костя бросил рюкзак в коридоре, снял тяжелые ботинки и куртку. В ванной долго умывался, смывая с себя грязь, пот и пыль. Долго сидел в пустой кухне, пил чай с пирожками,

купленными в единственном, еще работающем так поздно, магазинчике у дома. Потом ушел в комнату, нехотя разбирая постель. Дернул створки окна, впуская теплый воздух...

А здесь уже почти лето...

Молча курил, глядя на крыши домов, светящиеся неонам вывески, фонари автомобилей на автостраде вдалеке...

Отвык он уже от этого городского гула, шума, пьяных криков под окнами. Совсем закопался в разъездах, командировках в глухие места, таежные деревни...

Он потушил сигарету, не стал закрывать окно, опустился на край постели, беря в руки небольшую рамку с фотографией, стоявшую на тумбочке у кровати.

Лиза... такая же, как и пять лет назад...

Такая, какой уже не будет...

А ему только и остается – сидеть, пялиться на ничего уже не значащую фотографию...

Одному...

Без неё...

Навсегда?

Глава 6

В редакции все по-прежнему... Шум, гам, суета...

Кто-то с сигаретой во рту размахивает листами с корректурой, кто-то спорит из-за колонки на последней странице, кто-то терзает телефон, выбивая деньги на очередную поездку за материалом...

Костя пробрался к своему столу, бросив папки и ноутбук, собираясь позвонить начальнику, договориться о сроках подготовки материала.

В их большую редакторскую влетела Ирка, веселая болтушка-блондинка, заводила, идейный редактор.

- О! Вернулся наш бродяга Воронов!

Она кинулась к нему, обнимая:

- Фуу, хоть побрился бы что ли! Зарос!

Он отодвинул девушку от себя:

- Да некогда мне там...

Та рассмеялась:

- Ой, да ладно! Признайся уже, что тебе нравится ходить этаким небритым бродягой в горных ботинках и черных тактических брюках с кучей карманов! М-м-м... Надо как-нибудь сделать репортаж о тебе, наделаем сексуальных фоточек, а? Да женская половина читающих просто умрет от желания встретиться с таким красавчиком! Завалят письмами и звонками!

- Ирка, - поморщился Воронов, - делать тебе нечего! Смотри, надерет тебе Стас задницу за твои фантазии!

- Что это? Он только рад будет новым идеям!

Костя усмехнулся и вышел в коридор, к кофемашине. Ирка уже затрещала с кем-то по телефону. Остальные сотрудники втянулись в рабочий процесс, начался новый день. Костя, выпив кофе, ушел к начальнику редакции, Стасу, Иркиному муженьку по совместительству...

Они радостно обнялись, долго разговаривали о Костиной поездке, о планах на будущее... Стас слушал его доклад, довольнo потирая руки – материала, и отличного!, на несколько номеров.

Костя уже возвращался в редакторскую и, открывая дверь, услышал, как снова радостно верещит неунывающая Ирка:

- Блин, наконец-то, Алька! Мы соскучились тут все по тебе, солнце! И так редко в редакции бываешь, все дома да дома работаешь, ну сколько можно, а? Давай-давай, бросай вещи и кофейку попьем, потом работа, ну ее, подождет!

Костя шагнул внутрь, остановился, с удивлением глядя, как все шестеро сотрудников в комнате собрались вокруг кого-то, радостно улыбаясь, а Ванька, балагур-фотограф, обнимает этого кого-то, осторожно сжимая своими огромными ручищами.

- Что за праздник у нас? – бросил Костя. Все обернулись.

- О, Ворон! Алька вернулась!

Ирка радостно схватила за руку и развернула от Ваньки невысокую девушку, толкая вперед, и тут же закричала:

- Ой, ребята, так они же до сих пор не знакомы, получается, и не пересекались ни разу, вот умора! То он в командировках по полгода, то она дома да в больницах.

- Репортажи ведет оттуда, из родильного отделения? – брякнул Костя и вдруг натолкнулся на взгляд незнакомки. Растерянность, боль... Узкие губы сжаты...

Она отступила назад, словно от удара. Ирка аж побледнела, потом резко притянула девушку к себе:

- Дурак ты, Ворон! В своих горах да лесах совсем забыл, что люди, вообще-то...

Она недоговорила и потащила девушку к выходу, демонстративно оттолкнув Воронова плечом:

- Идем, Аль, в мой кабинет.

Костя недоуменно взглянул на Ваньку, но тот отвел глаза, приглаживая ладонью растрепанные рыжие вихры.

- Я что-то не то сказал?

Ванька вздохнул и сел, снова утыкаясь в свои телевики и линзы.

- Не надо было, Кость... Думай, что говоришь...

И угрюмо замолчал. Костя пожал плечами и тоже сел, разбирая свои записи. Работы много, сама себя не сделает, а сроки горят...

Незнакомая Алька появилась только один раз, забрала сумочку и ноутбук, и снова ушла к Ирке, даже не взглянув на

Воронова. А он украдкой бросил на нее взгляд: совсем какая-то маленькая, худая, ему едва до плеча достанет... Темные волосы стянуты в хвост, ни тени улыбки на лице, довольно миловидном, если бы не затаившаяся в уголках губ и в глазах боль... Странная какая-то... А и ладно...

И Костя снова вернулся к своим записям, готовя первую партию заметок. Забыл уже обо всем, опять погружаясь в мир, из которого недавно вернулся.

Глава 7

- Аль... Как же так-то, а?

Ирка сидела на подоконнике в своем кабинете, совершенно расстроенная, держа в руках чашку с давно остывшим кофе.

- Ну... вот так, Ир. Да и... я уже давно поняла, что там не все... просто...

Аля устало откинулась в кожаном кресле, отпила такой же остывший кофе, повертела кружку в пальцах. И не хотелось ей опять думать обо всем, итак с трудом натянула на себя эту маску спокойствия. Но... Это же Ирка... Она все чувствует, как рентген.

Ирка переместилась в свое редакторское кресло и сцепила пальцы под подбородком:

- Господи, вот же козел-то, а... А кажется, что недавно на вашей свадьбе гуляли... Да что тут... восемь лет всего...

Аля молча отставила кружку на этажерку рядом, потом подняла глаза:

- Я, Ир, за эти восемь лет...

Голос ее задрожал предательски и она замолчала, бездумно скручивая пальцами каштановую прядь.

- Я знаю, Аль, - Ирка совсем погрузилась, - Ну почему же так-то, а? Неужели он не видит, что тебе итак больно от всего этого...

- Жить он хочет, понимаешь, пока молодость, а не выслушивать мое нытье...

Они долго молчали, итак понимая друг друга, без слов. Потом Ирка зашевелилась:

- Ты... как? Готова работать-то? Или, может, еще надо?..

- Ир! Я с ума сойду там, в квартире, наработалась уже удаленно... Лучше уж здесь, давай уже, нагрузи чем-нибудь.

- И то правда! Давай смотреть, что на текучке, а потом у Стаса тут мега-идея, думает пока...

Ирка взглянула на Альку, возя мышкой по столу:

- Сейчас, загрузится план... Аль, слушай... Ты не обижайся на Ворона, зря он это ляпнул, конечно, но у него и у самого жизнь не слаще...

Алька поморщилась, вспоминая этого странного бородача:

- Ой, Ир, да я его вообще не знаю! Думаешь, он один такой вежливый? И что там у него, мне вообще как-то...

Глава 8. Прошлое и настоящее

Костя ткнул пальцем, выключая ноутбук, навел порядок на столе, бросил взгляд на часы: полвосьмого, ого! Все уже разошлись, наверное...

В комнату заглянула тетя Нюра, уборщица:

- Ой, Костик, вернулся что ли?

- Ага, привет, тетя Нюра!

- И сидишь опять допоздна? Ты да вон девчонки собираются. Давай, отдыхай уже, всего не наработаешь!

- И то верно, да я уже все, выключил.

Костя натянул ветровку, попрощался, оставляя ключи на вахте, и вышел из здания редакции, прикуривая сигарету. У обочины дороги стоял кто-то маленький и он с удивлением узнал эту, Альку... Тоже допоздна, что ли, у Ирки сидела?

Он спустился на тротуар, разглядывая хрупкую фигурку в легкой куртке и джинсах. Девушка стояла лицом к дороге и что-то быстро набирала в телефоне.

- Подвезти? – брякнул вдруг он, сам не ожидая от себя.

Та резко обернулась, узнала... Губы сжались:

- Нет.

Он хотел было извиниться что ли, только за что, он не очень представлял, но она вдруг отвернулась и пошла вперед по тротуару, оставив его стоять с глупым выражением на лице. Воронов хмыкнул, пригладил ладонью волосы и молча

шагнул к своей машине.

Алька почти бежала, сворачивая с одной улицы на другую, зашла в магазин, купить еды, потом добежала до дома. Телефон молчал, а она, привыкнув за столько лет, что Олег позвонит с рейса, примчится уставший, будет есть и рассказывать, как прошел полет... Она машинально потащилась на кухню, готовить, поглядывала на телефон. Потом вспомнила, что никто не позвонит, забросила ненужный аппарат подальше, выключила плиту с полусваренным супом.

На широком кухонном подоконнике долго сидела, завернувшись в огромный клетчатый плед, держала кружку с какао и молча смотрела в окно, считая зачем-то проезжающие машины...

Ирка права, недавно вроде на свадьбе гуляли...

Алька закрыла глаза...

Куда она делась, эта наша вечная любовь, Олег? Которую ты обещал в ту, первую, ночь... Как счастливо прожили мы те, первые два года, хотя ты был в училище, заканчивал, потом учебные полеты... А она ждала, его ждала... Дергалась вместе с ним, ожидая приглашения на работу, радовалась, как ребенок, когда он получил свой первый настоящий рейс...

И из рейсов потом ждала, замирая каждый раз, когда стрелка часов подбиралась ко времени звонка, чтобы услышать в трубке: - Аль, родная, прилетел, жди, скоро буду!

Их ночи, жаркие, счастливые, беззаботные... Его слова,

которые он шептал ей, целуя торопливо... Она на крыльях летала, так же, как и он в небе, заражая своим счастьем всех вокруг.

Ирка, с которой Аля так подружилась еще на первом курсе, выскочила замуж за Стаса, который был старше ее на семь лет, уже заведовал журналом о путешествиях, он согласился взять Альку в журнал, сначала корректором, потом на небольшие статьи, на свою колонку о жизни города и туристических новинках... и график у нее всегда свободный был, часто дома работала...

Резкий звонок в дверь...

Алька вздрогнула... Олег? Нет, соседка пришла попросить луковицу, явно желая поболтать, но Алька выпроводила ее, сославшись на срочную работу. Воспоминания снова кололи ядом.

Господи! Какой счастливой и растерянной сидела она, поджидая Олега из очередного рейса. Молча выложила перед ним тест... Он застыл, так и не донеся ложку ко рту, потом просто сгреб ее в охапку, кружил по комнате, смеялся... Они забыли про еду, да про все забыли, лежали, шептались, строили планы...

Потом боль... В глазах темно... Алька слышит растерянный голос Дашки – Вань, она падает, держи! Скорую надо...

Больница... белые стены... хмурая врач в очках... капельницы... день, два... лежать... кровь... На третий день – все. Два месяца счастья и – нет его.

Олег, поменявшийся рейсами с кем-то, везет ее на такси домой, не знает, что говорить, не знает, как смотреть в ее зятянутые болью глаза...

Дом... молчащий, замерший... А она лежит, судорожно вцепившись Олегу в рубашку, и рыдает, задавая один и тот же бесполезный вопрос: Почему? Почему? Почему?

Её накрывает депрессия... Ей кажется, что вокруг одни счастливые молодые мамочки... Несут, ведут своих малышей, а она сидит, молча глядя в бумажку с черной надписью: выкидыш по неустановленной причине...

Олег потом уже отобрал эту бумажку, вызвал ее мать, сам улетел в очередной рейс... А она одна. Одна со своим горем. Она не может не думать...

И мать, и Олег, и все вокруг говорят, что надо забыть, прийти в себя, постараться не думать, а она не может не думать – он снится ей каждую ночь, ее нерожденный малыш... Она, как последняя идиотка, перебирает купленные крошечные одежки, разглядывает свое единственное УЗИ с непонятной точкой, - но это он, ее малыш! Он был, а теперь его нет!..

Мать уезжает, ей на работу, да и отец там один. Алька снова одна. Как робот... Ждет Олега с рейса, молча ставит еду, молча уходит спать...

Лишь через полгода ей удастся как-то затолкать свои черные мысли вглубь, не забыть, но хотя бы не думать об этом каждую секунду... Ирка нагружает ее работой, и она и вправ-

ду оживает, и там, на работе, они все как-то стараются незаметно поддержать ее, и Ванька-балагур, и Дашка-корректорша, все, даже Стас предлагает ей дополнительный отпуск, работать из дома...

Постепенно боль становится не такой острой, прячется в глубине души, Алька уже спокойнее смотрит на маленьких деток. И Олег вроде ласков, нежен, заботлив. Стараются не брать дополнительные рейсы, бывает дома, возит ее на выходных куда-нибудь погулять, в пригороды...

Между ними снова... каждую ночь, та страсть, сжигающая их после каждой разлуки...

Только теперь Алька... боится... Сначала боится, что не придут месячные, потом — что увидит две полоски... И уставший мозг начинают терзать мысли о том, как быть, если снова... А ничего не выходит... год... два... три... Алька мечется, ходит по врачам, снова и снова слушает их, уверяющих, что она в порядке, что все восстановилось, что нет никаких препятствий... Тогда почему не получается? Врачи разводят руками, а Алька... Она уже одержима тем, что ей двадцать пять, одержима тем, что ей безумно хочется стать матерью, взять на руки свое сокровище. Ей нужно!

Ее опять мучают бесконечные сны, он снится ей каждую ночь, ее малыш, и она тянет на обследования Олега... Тот морщится, он не хочет, говорит, что с ним все в порядке... Она плачет, кричит, что он не любит ее, срывается, понимает, что нужно остановиться, но не может... Всеми ее мысля-

ми владеет он, маленький крошечный человечек, которого она хочет взять в свои любящие руки...

Олег сдается, находит время, меняясь рейсами, они проверяют его, проверяются вместе... Чего только они не проверяют! И везде все нормально... Олег смеется уже над ее страхами, говорит, что она слишком много выдумывает, предлагает завести собаку. Снова летает в свои рейсы. А она – одна.

Ирка толком и не уходит в декрет, рождает дочку, нянчится с ней три месяца и, сдав на руки новоиспеченной бабушке, возвращается на работу... Алька снова не выдерживает. Она часами просиживает у Ирки в гостях, трогает маленькие пальчики, пушистое облачко волосиков на макушке, слушает сладкое чмоканье спящего ребенка...

Тоска снова поселяется в ее сердце. Она забывает приготовить ужин, она в панике перечитывает статьи, ищет, как решить свою проблему...

Недовольный Олег хочет, чтобы дома его встречала веселая жена, кормила, слушала его рассказы о полетах, прекратила каждую секунду говорить о детях... Он не то чтобы очень хотел ребенка... Да, это надо, но если не случилось, значит нужно подождать, а они... каждая ночь, проведенная дома, становится деланием ребенка... Потом ожидание, слезы, проверка тестов... Снова по кругу... С ума можно сойти... А чтобы не сойти - нужно сбежать?

Он никогда не летал в длительные рейсы, с ночевкой, всегда одним днем, а тут...

В какой-то момент Алька вдруг поняла, что муж теперь звонит ей из другого города, остается там на ночь, а на утро ведет другой рейс... Она плакала, ругалась, говорила, что он это специально, чтобы они не смогли родить ребенка... А Олегу уже осточертело думать об этом. А потом, оставаться в других городах оказалось удобно... Можно отдохнуть иной раз и до ночного рейса, погулять, провести время с другими пилотами, такими же молодыми парнями... И не видеть грустное, унылое лицо жены, не слушать ее страдания, не слышать, как она сходит с ума из-за очередного пустого теста...

И год пролетает в таком режиме. А потом... появляется она. Милана. Молоденькая совсем стюардесса, летающая первый год, да ей двадцать-то от силы... Высокая, фигуристая блондинка, обалденно выглядящая в своей полетной форме... Какая искра между ними пролетела?..

Сначала переглядывались, улыбались друг другу, потом здоровались. Потом несколько вынужденных дней из-за непогоды и отмены рейсов, которые они провели в Сочи... Она пришла к нему в номер с бутылкой вина, просто посидеть, говорила, что умирает от скуки, что не с кем поговорить, пообщаться...

Пообщались они...

Наутро Олег выпроводил ее, прятал глаза, самому на себя тошно было смотреть в зеркало... Через сутки он прилетел домой, давая себе обещание, что этого не повторится... А

дома Алька... в очередной раз скатилась в депрессию, ревела весь день над пустым тестом, достала откуда-то снимок УЗИ того, неродившегося, малыша...

Олег психанул, накричал на нее, отобрал этот снимок, разорвал и спустил в унитаз, слушал ее истерику, желая уже только одного – дожждаться утра, сесть в самолет и улететь. К вечеру ему вдруг стало стыдно, глядя, как страдает жена, сидя на подоконнике в кухне... Он извинился, скрепя сердце, потом подхватил ее на руки и унес в спальню...

А еще через неделю – все повторилось с Миланой между рейсами в том же Сочи. Он говорил себе, что так нельзя, но оторваться от нее, такой молодой, безбашенной, яркой, полной противоположностью тихой Альке – не мог... И две ночи и весь день не вылезал с ней из постели, пока они ждали свои рейсы...

Этот обман продолжался еще несколько недель, пока Олег не прилетел однажды домой и не увидел счастливую зареванную жену с тестом в руках. Положительным тестом. Она снова летала... У нее снова появился смысл жизни, свет, к которому стремилась душа... Она тряслась от каждого недомогания, бегала к врачам, лежала на сохранении. Олег прилетал в пустую квартиру, ехал к ней, топтался в больничном коридоре, глядя на исхудавшую жену, на тусклые волосы, стянутые в хвост, на руки, исколотые капельницами, на синие вены... Она что-то рассказывала ему про анализы, про то, что через две недели нужно будет снова лечь и прокапать...

А он стоял и уныло вспоминал горячее тело Миланы, их кувыркания в гостиницах, и снова... позволял себе это проделывать, пока жена тряслась над каждым вздохом. А что ему оставалось, когда рядом, как по заказу, каждый рейс была Милана...

Срок подошел к трем месяцам, и Алька стала спокойнее, словно прошла страшный рубеж... Снова была дома, готовила, копалась в интернете, показывая ему детские вещи, уговаривала что-то купить...

И... он выходил утром в том же Сочи из номера Миланы, когда ему позвонила встрепанная Ирка – опять, опять выкидыш, она, Аля, в больнице, без сознания...

Господи, как ему не хотелось лететь домой! Кажется, впервые он представлял себе заранее, что будет – снова истерики, слезы, сопли, депрессия... И в квартире он слонялся, прямо заставляя себя собраться и поехать туда, в больницу, пока не позвонила рассерженная Ирка с вопросом, когда он собирается появиться...

Он взял внеплановый отпуск, через неделю забрал жену из больницы...

Она была похожа на тень... привидение... И снова слезы... вцепившись в него, ревет, спрашивая, почему так...

Он с трудом пережил эти две недели дома, на первый рейс бегом бежал, лишь бы подальше от этого «похоронного бюро», в которое превратилась их квартира, а в самолете – Милана, летит с ним одним рейсом. И рейс был одним днем, но

они умудрились проделать это в какой-то подсобке в аэропорту, а ночью, в Москве... Когда жена уснула, наглотавшись снотворного, Олег не выдержал и позвонил Милане.

Алька проснулась только утром, и, когда он вошел в квартиру, недоуменно посмотрела, как он выкладывает теплые круассаны... Сходил с утра...

И она – поверила...

Глава 9. Прошное

В какой момент отчаявшаяся Алька вдруг поняла, что в последний раз ее муж был с ней в постели несколько месяцев назад?.. Наверное, в тот, когда он позвонил ей из Сочи, что рейсы опять переносят и он там застрял на день-два... А она, уже собираясь отключиться, вдруг услышала там, в трубке, приглушенный женский смех и шепот: «Поверила?»

Алька застыла... Весь день и всю ночь не могла поверить, что слышала это... сжимала телефон, отбрасывала его подальше, чтобы не позвонить. Два дня мучила себя сомнениями, ждала, что он прилетит и все будет, как прежде...

И он прилетел. Почти сразу взял свой портфель, сказал, что должен отвезти в Управление какие-то бумаги по работе. Переоделся и уехал.

А Алька еще час боялась дотронуться до его вещей, молча сидела, понимая, что он даже не поцеловал ее, не спросил, как она... Потом тяжело поднялась, словно на ногах висели гири, подняла брошенную рубашку, и еще одну, из рюкзака... Точно... этот запах... запах других духов. Она чувствовала его уже давно, думала, что это из метро, с работы... А это от него... от него пахло...

По голове словно молотом ударили... Она заметалась, не зная, что делать, потом взяла себя в руки, бросила рубашки в стирку, приготовила ужин, сама привела себя в порядок,

надела новое белье. Олег вернулся только в полпервого ночи.

- Управление так долго работает? – спросила она. Олег нервно рассмеялся, чмокнул ее куда-то в лоб, и, пробормотав «Долго ждал», исчез в ванной... А она осталась лежать в своем красивом белье. С ужасом ощущая тот же самый сладкий аромат духов. Явный и откровенный.

Утром, сидя за завтраком, Алька отложила вилку и просто спросила:

- Кто она?

Глаза его заметались, забегали, прячась от ее пристально-го взгляда. Он нервно засмеялся:

- Кто? О чем ты?

- Ты... обманываешь меня, Олег?

Он поднялся, уходя в комнату:

- Мне пора.

- В Сочи?

Олег замер на мгновение, потом шагнул в коридор. А Альке итак все стало понятно. И то, что он вышел, даже не попрощавшись, тоже.

Вернулся он через три дня. Отдохнувший, веселый. Он не звонил ей. И сейчас тоже не поинтересовался, как она тут... Алька поняла, что не сможет так:

- У тебя там другая женщина, Олег?

Она подняла его рубашки вопросительно, а он пробормотал что-то, пытаясь обнять ее, но она вывернулась:

- Твои рубашки пахнут другими духами, женскими духа-

ми, Олег! И я слышала голос в телефоне. Ты мне... изменяешь?

Уставшая от всего Алька не сдержалась и всхлипнула. А его это словно выбесило, он прищурился и бросил зло:

- Да, я переспал с другой, и что?

Алька в ужасе открывала и закрывала рот, не узнавая в этом человеке своего мужа – что за ненависть в глазах?

- Ну? Что? Опять реветь будешь? – он раздраженно швырнул в стену рюкзак. - Да я устал уже от этого кладбища! Ты вечно ноешь, реवेशь! Ну нет этого ребенка и что? Всем теперь лечь и умереть? Я устал, я жить хочу, жить, понимаешь! Пока я молодой! А не слушать твои вечные сопли и страдания! Я жить хочу!

Алька отшатнулась, вжимаясь в стену, слезы сами показались, не удержать.

- Ну? – зло бросил Олег, сжимая кулаки. – Ну, опять будешь реветь? Вся из себя несчастная? А ты обо мне подумала?

Алька сглотнула и вдруг выдавила из себя:

- Уходи, Олег.

Он смотрел на нее, казалось, целую вечность. Потом молча шагнул, доставая из-под кровати чемодан, стал швырять туда свои вещи, собрал документы, методично перебирая, складывая в летный портфель.

Алька так же вжималась в стену, не веря, что это он, ее Олег, делает сейчас это.

Тот вынес вещи в коридор, натянул куртку и взял телефон:

- Передумаешь - позвонишь. Поживу пока в гостинице или...

Он запнулся.

- Или у нее? – ляпнула Алька.

- У нее! – зло бросил он и вышел, хлопнув дверью.

А Алька сползла по стенке.

Вот так, Аля.

Закончилось твое счастье.

Глава 10

Костя всю неделю мотался по городу, то с одним заданием, то с другим, в редакцию забегал только к Стасу, взять нужные документы. И, кажется, стал уже уставать от гудящего мегаполиса, от бесконечных пробок, от нервных, злых людей...

Как-то вечером полез в кладовку, наткнулся на стоящий там свернутый сапборд. Вытащил его зачем-то, развернул прямо в гостиной, подкачал, постоял, проверяя, цел ли... Потом снова полез, долго рылся на полках, вытащил-таки второй, сапборд Лизы. Зачем-то тоже накачал. Долго пялился на лежащие на полу сапы, понимая, что последний раз они спускали их на воду вместе, больше шести лет назад... Вряд ли он еще поедет...

Он спустил воздух из обоих сапбордов, сворачивая, вместе с насосом закинул в машину, собираясь на днях дать объявление о продаже. И – забыл...

Первая пятница лета...

Костя, злой как черт, проторчал почти два часа в пробке на Ярославке, пытаясь пробраться в редакцию. Ему удалось, в конце концов, свернуть в какой-то переулок, звериными тропами протиснуться почти на другой конец Москвы, матеря дороги, пробки, отдыхающих и прочая... Он уже клятвенно пообещал себе, что переседет на метро...

Часы показывали восемь часов вечера, Стас, конечно, уехал вместе с Ирккой. Вроде бы на месте был кто-то из верстальщиков и Костя решил уже просто заехать, оставить документы у Стаса в кабинете, чтобы не тащиться рано утром в понедельник.

Приткнув машину на пустой парковке, он поднялся мимо охранника, прошел в кабинет Стаса, выкладывая ему на стол документы. Потом вспомнил, что его ноутбук здесь, на рабочем столе, а в выходные можно что-то и из дома сделать...

Открыв дверь в редакторскую, он увидел свет от настольной лампы на одном из столов и услышал... тихие всхлипывания?..

Воронов прищурился, пытаясь разглядеть, откуда эти звуки, поднял руку, щелкая выключателем...

Она испуганно подняла голову и обернулась... Та... Алька...

Зареванное лицо, опухшие красные глаза, куча салфеток на столе...

- Я... я... - она приподнялась, отступая назад и сгребая в кучу мокрые салфетки.

- Ты... У вас... что-то случилось? – растерялся Воронов.

- Н-нет, я... Мне нужно... Я пойду.

Она судорожно собирала сумочку, попутно вытирая лицо или больше размазывая слезы по щекам...

Маленькая, испуганная птичка... Руки дрожали, роняя то телефон, то ручку с блокнотом.

Костя сделал шаг вперед, молча взял сумку из ее рук, сгреб все туда, застегнул, вручая ей обратно:

- Давайте отвезу вас.

- Н-нет... нет...

- Да вас уже выжимать можно! Идем, машина рядом, заберу только ноутбук.

Она покорно ждала его, опустив голову. Он шагнул, пропуская ее вперед и выключая свет.

В машине она осторожно устроилась на сиденье и растерянно замерла, не зная, как пристегнуться. Костя перегнулся через нее, потянул ремень, щелкая замком. От нее пахло какими-то легкими цветочными духами и... то ли мятой, то ли еще чем-то таким...

Валерьянкой, хмыкнул он про себя и завел машину:

- Куда?

Она назвала адрес, так и не поднимая глаз. В полной тишине они пробирались через вечерние пробки, Воронов искоса бросал на девушку взгляды, когда она поднимала руку, чтобы вытереть зареванное лицо.

Около ее дома с трудом нашлось свободное место, пришлось поджать какой-то древний жигуленок. Алька тут же засуетилась, пытаясь отстегнуть ремень.

- Я помогу.

Он нажал кнопку, отстегивая ремень и она впервые подняла на него глаза:

- Спасибо, я... я пойду.

- Вам плохо.

- Н-нет, я постараюсь уже... успокоиться... я...

- И будете реветь все выходные дома?

Она устало изобразила подобие улыбки. Воронов сам не понял, зачем вдруг сказал ей:

- Я... хотел завтра на озера съездить, на сапе походить, хотите со мной?

Она испуганно отшатнулась:

- Но я... не умею, не знаю...

- Ну, просто погуляете, проветрите мозги. Все лучше, чем дома слезами обливаться.

Она молчала и он осторожно сжал ее пальцы, лежащие на колене. Алька вздрогнула.

- Соглашайтесь. Не дело это, доводить себя. А я все равно один еду, мне не мешает.

Она вздохнула, будто решаясь:

- Н-ну... я... Можно, наверное, да.

Он убрал руку.

- В девять заеду. Не рано?

- Н-нет, я рано... рано встаю.

- Тогда до завтра. Давайте помогу.

Воронов открыл дверь, смотрел, как она торопливо идет к подъезду и исчезает внутри. Усмехнулся. Рано собрался сапы продавать...

Ладно. Черт с ней, ну погуляет, ему она не мешает. Господи, Воронов, что за благотворительные жесты... Дожил...

Он резко завел машину и рванул, выезжая со двора. Надо в магазине что-то взять, из еды, у него же нет ничего. И термос вымыть, так и валяется, кажется, после прилета.

Глава 11.1

Воронов сидел в машине и ржал сам над собой. Это ж надо, быть таким идиотом, не взять у неё номер телефона.

Об этом он вспомнил уже поздно вечером, когда улёгся в постель и поставил будильник на восемь часов, хоть и знал, что проснётся в шесть, как всегда.

Ну... Теперь сиди и жди, выйдет - не выйдет... Может, она вообще передумала.

Он бросил взгляд на часы - 9:05. Окей, посидим ещё минут пятнадцать-двадцать и в путь. Костя рассеянно покрутил колёсико радио, перебирая радиостанции, оставил ту, что играла ненавязчивые хиты девяностых, закурил в приоткрытое окно...

Вчера он полчаса слонялся по магазину, не зная, что взять. Не спросил же, не уточнил, да даже и не подумал. Потом решил, что вряд ли они там долго проторчат, тем более, на сапе она ходить не умеет...

Диктор расхваливал погоду, обещая тёплый, чуть пасмурный день, что, в принципе, было нормально для первой недели лета. Воронов откинулся в кресле, задумчиво разглядывая серую обивку салона, потом услышал, как хлопнула дверь подъезда, выпрямился - она. Стоит на пороге, в джинсах и толстовке с закатанными до локтей рукавами, озирается в поисках его машины, неуверенно, растерянно...

Костя выскочил и направился к ней. Алька заметила его высокую фигуру и радостно улыбнулась, делая шаг вперёд.

- Я чуть дальше встал, чтобы не перекрывать проезд...
Доброе утро.

- Доброе! А я... Что из одежды вот... не знала и задержалась немного. И лифт долго не приезжал, - серые глаза смотрят чуть виновато.

- Да я недолго ждал, идём.

Дорога до озёр быстро отмеряла километр за километром на спидометре, пробок особых ещё не было. Костя молча вёл машину, не зная, о чем говорить, а девушка разглядывала пролетающие мимо деревушки, коттеджные посёлки, лесные массивы. Тоже думая о чем-то своём.

Ещё несколько километров по грунтовке и впереди блеснула синью гладь первого озера.

- На первом не будем, тут после обеда куча народу в выходной... На третье поедem, туда мало кто добирается, а оно самое красивое, как по мне.

- Оно уже и здесь красиво.

Алька села прямо, разглядывая проселочную дорогу, край берега и зелёный луг впереди. А Костя обратил внимание на её руку, которой она ухватилась за приборную панель, когда закачало на небольших ухабах - в каких-то синяках, следах от уколов что ли, с коротко остриженными ногтями, не очень правильной формы... Но не эти жуткие когти, как любят некоторые, - хмыкнул про себя Воронов.

Он сбросил скорость, стараясь, чтобы машину сильно не трясло, и поехал вдоль луга... Дальше, за поворотом, открывался изумительный вид на первое и второе озеро. С небольшого пригорка оба водоёма лежали как на ладони, поблескивая спокойной гладью воды, окаймлённые песчаными отмелями и кое-где камышами.

Воронов приоткрыл окно и на них пахло запахом луговых трав, влажной земли и сосновой коры - на пригорке росла небольшая сосновая рощица.

Алька в восторге прижала руки к груди, потом выхватила телефон:

- Ох, красота какая! А... Можно, я...

Воронов тормознул машину:

- Иди...

Алька выскочила, сама уже отстегнув ремень, закрутилась, глядя в экран телефона перед собой - выбирала ракурс получше. Костя невольно разглядывал её лицо, такое увлеченное простым делом. Она прикусила нижнюю губу, широко распахнув серые глаза, и с таким восторгом озиралась, щелкая фотографии телефоном, словно, по меньшей мере, стояла где-нибудь на Байкале или на вершине Эльбруса...

Вскоре она вернулась в машину, радостно выдохнув:

- Ох, это просто... Просто чудо какое-то... Костя, а как тут пристегнуть...

- Да так сиди, что тут, трасса что ли.

Костя усмехнулся:

- Не была что ли нигде? Что тут особенного-то?

Алька повернула голову и посмотрела серьёзно:

- Нет, не была...

А и правда, где она была? Только та неделя в Сочи... Медовый месяц... Серые глаза вдруг погрузтели.

Воронов тронул руль, двигаясь дальше, и спросил:

- Ничего, что я на ты? Глупо как-то выкать, не такая уж у нас, наверное, разница в возрасте...

Она так изумлённо на него взглянула, что он виновато пробормотал:

- Ну... то есть... Что-то я ерунду какую-то сказал... Тебе наверное, двадцать два - двадцать три ?

- Двадцать восемь.

- Да? - он удивился. - Ну, тогда меньше ещё.

- А... а...

- Тридцать пять мне.

- Ой... а я подумала...

Она покраснела.

- Что? Пятьдесят? Я что, так плохо сохранился?

- Э-э... Ой, нет, - Алька вдруг рассмеялась, - но... вот эта борода, наверное... Я думала, сорок или даже больше.

- Ну, спасибо, почти рядом! Сбрить надо, а лень...

Петляющая через заливные луга дорога привела их в тихое, уютное местечко, закрытую со всех сторон низинку, в которую можно было спуститься на машине прямо к небольшой песчаной отмели на берегу третьего озера. Оно было по-

меньше своих собратьев, но какое-то... Более камерное, уютное что ли...

Костя остановил машину в тенечке большой старой липы и вышел. Алька тоже выбралась, разглядывая жёлтый песок, синюю гладь воды, зелёные ещё, не очень высокие, камыши справа. На полянке у кромки воды лежало несколько кирпичей, обозначая старое кострище, толстое бревно, треснувшее пластиковое ведро. В тишине, нарушаемой лишь шелестом ветра в ветвях деревьев, крикали утки, невидимые за камышами.

- Здесь... так спокойно, - пробормотала Алька, подходя к берегу. Она потянула молнию, чуть расстегивая кофту, и дёрнула резинку - каштановые волосы рассыпались по плечам, золотясь в лучах утреннего солнца...

Костя замер, залюбовавшись хрупкой фигуркой, потом очнулся, вытащил из багажника свой походный рюкзак:

- Предлагаю попить чай, а потом, если захочешь, на сапах.

Алька обернулась - да уж, вчера она выглядела, прямо скажем, ужасно. А сейчас - и лицо спокойное, и руки не трясутся... И улыбается.

- Ох, Костя, да это же... Я не умею, я его даже в глаза не видела...

- Нечего там разглядывать, доска и доска, - Костя выбросил из машины оба сапа и насос. - Ну, накачаю сейчас и любуйся, привыкнешь, пока чай пьем.

Алька рассмеялась, коснувшись пальцами уха. Костя тоже

улыбнулся - смешная она.

Глава 11.2

Алька сосредоточенно сидела на корточках, глядя, как накачиваются воздухом, расправляясь, бока сапбордов, один синий, второй зелёный. Воронов проверил давление, нажал пару раз рукой и отошел, убирая насос в багажник. Обернулся и ухмыльнулся: Алька осторожно протянула руку, касаясь пальцами округлого края, погладила...

- Ну? Не кусается?

Девушка рассмеялась.

- Ну, видишь? Уже смеешься. Я же говорил, тут лучше, чем дома убиваться... Пошли, поедим, а то я и не завтракал особо...

Алька уселась на бревно, глядя, как Воронов достает небольшой складной столик, расставляет на нём термос и чашки, выпечку, нарезку сыра и колбасы, коробочку с помидорками и огурцами... Потом сел рядом:

- Нормально тебе так? Или стул достать?

- Нет, мне очень хорошо.

- Ну... Я, конечно, нифига не спросил, что ты ешь, так что на моё усмотрение. Да я и телефон-то твой не спросил... Потом уже вспомнил, поздно вечером.

Воронов придвинул к Альке овощи и вручил нож:

- Нарезешь? Я схожу хлеб достану, забыл на сиденье.

Алька порезала мелкие помидорки на половинки, огурцы

вдоль на четыре части и отложила нож: большой, походный, явно побывавший с хозяином во многих походах...

- Ну, давай налью тебе чай, - Воронов положил хлеб на столик, сел, закатывая рукава толстовки. - Ты и не пила такой, наверное, горный, настоящий, привёз с Алтая.

Девушка сжимала ладонями старую, потрепанную кружку, вдыхала какой-то сложный, совершенно волшебный аромат горного чая... Мяту и шиповник она опознала, но остальное... Она и знать не знала, какие там травы растут в горах Алтая. Но то, что это вкусно - несомненно...

- Ну, как? Хорошо настоялся...

- Он... Я даже не знаю, с чем сравнить... Но я как будто в горах сижу и.. и..., - Алька засмеялась. - Ой, да я и не была там, придумываю...

- А хочешь? - склонил голову Воронов.

- Да это же... Далеко так.

- Горы и ближе есть, - усмехнулся тот.

- А.. а одной там страшно же..

- Так необязательно одной, - Воронов просто умилялся, вот же человек, а! Ну просто песня!

- Ты ешь давай, а то ветром с сапа сдует!

- А что, может, да?

Воронов захохотал:

- Тебя - да! Ты ж на тень похожа, кожа да кости...

Алька вдруг помрачнела, опустила голову:

- Я... Это я болела... долго.

Воронов перестал смеяться, осторожно положил ладонь на её руку:

- Ты... извини меня, я тогда, наверное, что-то не так сказал...

- Я... я не сержусь, ты же не знал.

Она не стала продолжать, а он не полез спрашивать. Если человек молчит, значит либо ему слишком больно об этом говорить, либо он не хочет этим делиться с малознакомым человеком.

- Посидишь тут, я сплаваю сам, проверю?

- Да, да, мне хорошо, не волнуйся!

"А я волнуюсь?" - хмыкнул про себя Костя, скидывая за машиной джинсы, натянул свои спортивные шорты и старую футболку. Если навлёрнется с сапа, не жалко будет, да и высохнет быстро. Всё же он шесть лет не вставал.

Алька сидела на бревне и наблюдала, как легко и уверенно кладёт Воронов сап на мелководе, берёт весло, цепляет страховочный трос на ногу и встаёт на сап, даже не покачнувшись. Толчок веслом и сапборд медленно скользит по спокойной глади озера, направляемый на середину.

Девушка даже залюбовалась уверенными движениями мужчины... Хоть он и пугал её немного, этой своей бородой и угрюмым видом, но глаза его смотрели спокойно и даже заботливо... Карие, какого-то медово-каштанового оттенка... она и не видела таких...

Алька сердито одернула себя: много она мужиков разгля-

дывала? Опять стало как-то тоскливо... Вспомнился Олег. Который вообще ни разу не позвонил за эти полторы недели... Она снова подняла глаза, глядя, как Воронов наворачивает круг за кругом по небольшому озеру, исчезает за камышами, через некоторое время снова появляется, уже почти у противоположного берега, подгребая иногда веслом, скользит, словно единое целое с огромной доской... Наконец, он подкатил к их берегу, помахал, Алька махнула в ответ. Воронов легко прыгнул на мелководе, положил весло на сап, отстегнул трос, вытягивая доску на берег.

Алька завороченно разглядывала босые ноги в спортивных шортах, мускулистые руки, загорелые для начала лета, но он же в горах был... Встрепанные тёмные волосы, улыбку, когда он повернулся к ней.

- Круто я смотрелся? - хмыкнул он, подходя ближе.

- Очень, - серьёзно ответила Алька, - кажется, что это так легко...

- Думал, навернись, лет шесть не вставал.

- А, кажется, не заметно совсем, со стороны...

Костя налил себе чай и сел рядом на бревно. Покосился на девушку:

- Ну? Попробуешь?

Алька смутилась:

- Да я не смогу...

- Не попробуешь, не узнаешь! Все когда-то первый раз встают.

- Да я же... Я в джинсах вот...

Воронов поразглядывал её, целиком, снова смущая, потом встал, исчез, копаясь в багажнике.

- Сюда иди, - раздался его приглушённый голос.

Алька подошла к машине, глядя, как он вынимает старые спортивные штаны.

- Надо, конечно, было сказать тебе взять шорты, - Воронов скептически оглядел миниатюрную Альку и собственные штаны размера на четыре больше, - но я же телефон твой... Ну-ка, вытащи телефоны впереди, а то опять забуду.

Он заставил её продиктовать свой номер, сделал звонок. Снова взял в руки штаны.

- М-да, ты в них... Ну ничего, надевай, подвернём, и верёвка есть. Ты в футболке?

- Да, - Алька кивнула, почему-то покраснев.

- На, надевай и выходи, поправлю.

Воронов подавил смешок, когда Алька подошла к нему, придерживая руками штаны.

- Оверсайз, конечно, да ладно...

Он потянул тонкий шнурок в поясе, утягивая на талии, завязал покрепче. Опустился на колени, подкатывая штанины повыше. Руки коснулись худых лодыжек, и Костя ощутил какое-то волнение... Черт, он не касался женщины все эти шесть лет, ну и видок у них со стороны... Лапает её, чужую... вообще, чью-то жену? Замужем она или нет? Он быстро одернул штанины, проверяя, хорошо ли держится, и вы-

прямился, поднимаясь.

- Кофту снимай.

Алька покорно потянула молнию, отдавая ему толстовку, которую он бросил на бревно, и замерла, слишком близко он стоит.

Воронов вдруг скользнул ладонями по её шее, собирая волосы на затылке, и Алька нервно вздохнула: господи, что он делает...

- Волосы собери, мешать будут, - Воронов и сам уже отдернул руки, чертыхаясь про себя... Каштановые пряди снова рассыпались по плечам. Алька наклонилась, доставая из кармана толстовки резинку, быстро завязала волосы в хвост.

- Пойдём, - Костя зашёл в воду, сталкивая второй сап, поменьше. - Давай, не бойся, вставай одной ногой и сразу вторую.

Алька, конечно, заскользила босой ступней, не так уж это и просто оказалось, встать и удержаться. Но Воронов придержал её за руки, цепляя одной рукой трос, сунул весло, наказав упереться в дно и стоять ровно.

- Просто попробуй постоять пока, почувствуй равновесие, как он лежит на воде, и не бойся, если упадешь, я столько раз кувыркался, когда первые разы вставал! Не холодно тебе? Вода ещё так, бодрит...

- Да нет, я... я... Ох... Ой, - Алька закачалась и снова вцепилась в его большую ладонь.

- Не напрягайся сильно, спокойнее... Это же просто вода,

и глубины нет.

Алька чуть переступила, даже не замечая, что вцепилась в него мёртвой хваткой.

- Ну, отпуская мою руку, давай.

- Я б-боюсь, Костя...

- Упадешь пару раз и не страшно будет.

Его глаза смеялись.

Алька немного разжала пальцы и попыталась стоять ровно. Доска закачалась. Костя вдруг отпустил руку и Алька тут же шлепнулась, правда не в воду, а на сап. Он поймал её, удерживая на мели.

- Страшно?

- Да нет... Смешно!

- Ну и правильно! Давай, на колени встань, так проще будет, а я тебя покатаю тут, где мелко.

Девушка стояла на коленях, удерживая весло, а Костя осторожно показывал ей, как управляться, как оттолкнуться, как повернуть.

- Ну? Теперь сама. Я рядом!

Алька неуклюже ворочала веслом, не понимая, почему со стороны всё казалось так легко! Да она как бегемот в лодке! Об этом она и сказала Косте, а тот захохотал на всё озеро:

- Что-то слишком худой бегемот!

Алька тоже засмеялась, забылась и шлепнулась в воду. Водичка была холодноватая, штаны тут же намокли. Сильные руки поставили её вертикально и Алька машинально обхва-

тила мужчину за талию. Их взгляды неожиданно столкнулись, стало жарко. Алька отдернула руки и снова повернулась к сапборду.

- Костя, а как самой встать?

- Ближе к берегу подтолкни, - Воронов и сам обалдел от её рук на своей талии, но быстро справился с собой.

Алька вскарабкалась с третьего раза, встала на колени, счастливая до чёртиков. Оттолкнулась веслом, заскользив по мелководу, попробовала повернуть и уехала в камыши, тут же свалившись от толчка. Воронов добрался до неё, но она уже сама поднялась и закричала возбужденно:

- Я сама, сама, видел!? Немножко!

Господи! Вот это радость у человека! Воронов улыбнулся:

- Ты молодец! Только смотри, чтобы не холодно.

- Да я нет, я ещё немножко...

Костя вылез из воды, молча смотрел, как упорно Алька забирается на доску, стоит на коленях, пытается управлять веслом, снова кувыркается в воду. Один раз ей даже удалось встать на ноги, выпрямиться, и она радостно обернулась к нему, конечно, тут же плюхнувшись обратно.

Костя помогал ей встать, смеялся вместе с ней, а сам не мог избавиться от мысли, какой же разительный контраст между Алькой вчерашней и сегодняшней...

- Ой, - Алька разогнулась после очередного плюха, - что-то устала я уже, с непривычки.

Она ухватила за его руку и Костя потянул её на берег:

- Аль, хватит, руки холодные уже, иди переоденься, там полотенце есть. И кофту сразу надевай.

Он скептически окинул её взглядом, предложил сесть в машину и включить печку, но возбужденная девушка отказалась, заявив, что хочет посидеть на бревне и попить ещё чай. Костя сунул ей кружку в руки, потом осторожно накрыл своей широкой кофтой, кутая, словно ребёнка. Алька подняла на него свои серые глаза:

- Спасибо!

- Теплее так?

- Да.

- Ну сиди пока, покатаюсь ещё.

Алька безмерно устала, тело, ослабленное болезненным состоянием, ныло от непривычной нагрузки, а ей было хорошо... Сидеть, прихлебывая ароматный чай, ощущать незнакомый запах мужской толстовки... А ещё... разглядывать его гибкое сильное тело там, на сапе - он скользил так уверенно, она представляла, как смешно ему было, смотреть на неё, но, как ни странно, это не пугало.

Боже, а ведь он был прав! Она пролежала бы весь день дома, давясь слезами, а сейчас?.. Она же практически ни разу не вспомнила об Олеге...

На обратном пути у нее уже слипались глаза, от целого дня на свежем воздухе, от вкусного чая и простой еды, от всех этих кувырканий в воду, пешей прогулки вокруг озера... Она и не заметила, как задремала, а Воронов вёл машину, бросал

взгляды на худое лицо, нехотя разбудил её, подъехав к дому.

- Костя, я... Спасибо, это было так... Я даже не думала, что можно так... Я никогда не...

Алька смутилась, ругая себя за несвязную речь, ну что она несёт...

Костя улыбнулся:

- Захочешь, повторим. Попозже только, в понедельник я в Питер на неделю, Стас хочет на какую-то туристическую выставку. Так что...

Глава 12

Алька до поздней ночи лежала без сна, вспоминая чудесный день, она даже не думала о Воронове, как о мужчине, совсем непохожем на её собственного пока ещё мужа...

Она думала совсем о другом... О том, что за восемь лет брака у неё не было такого чувства безграничной радости... Если только в самом начале... А ведь, на самом деле, где она была? Нигде. За восемь лет она по пальцам может пересчитать те несколько раз, когда Олег возил её на такси в пригороды, где они немного бродили по улочкам, заходили в какой-нибудь музей или сидели в кафе, а потом ехали обратно.

И это - за восемь лет?! А вся её жизнь, получается, была в ожиданиях Олега с очередного рейса... Накормить, провести ночь и отправить снова в рейс?

Опять накатили мысли о неродившихся малышах, закрутило привычной болью... Но Алька вдруг запретила себе впадать в уныние... Она сегодня смогла не думать об этом... Но не могут же люди постоянно помогать ей, нянчиться... Значит, как-то надо попытаться и самой справляться...

А Воронов уснул быстро и без сновидений.

Правда, перед этим он посидел, подержал портрет жены в ладонях, вздохнул, снова ставя его на тумбочку:

- Лиза... Я люблю тебя... Но... отпусти меня... Ты там, а я здесь... Я слишком живой, Лиза, прости меня... Я слишком

живой... Я не знаю, чего я хочу и что будет... Но жить как-то надо... Без тебя жить, понимаешь...

Глава 13

Алька стояла на подоконнике, намывая кухонное окно в самом верху, даже со стула она туда не доставала, со своим ростом.

Брякнул сообщением телефон.

Она осторожно опустилась на колени, откладывая тряпку, вытерла мокрые руки о старую футболку, и взяла телефон, замирая... А вдруг это Олег?

В мессенджере болталось незагруженное фото, от Воронова. Алька ткнула пальцем, фотография быстро загрузилась и открылась - она, с веслом в руках, у сапборда... Когда он успел её сфотографировать? Алька вдруг поняла, что глупо улыбается, глядя на фотографию и вспоминая свои смешные попытки встать на сап.

Запрыгали точки. Он пишет.

- Смейся? Не ревь больше?

- Да.

- Ну а выглядишь так, будто сейчас встанешь и покатишься)

- Мне понравилось...

- Падать?

- И это тоже...

- Что тебе привезти? Мы со Стасом завтра возвращаемся.

Алька вздрогнула. Привезти? Ей?

- Не знаю...

- Ну... конфеты, может, любишь? Как там... Маленькие любят сладкое...

Алька засмеялась, вспомнив эту фразу из "Девчат":

- Костя! Я, правда, не знаю!

- Ну, тогда на моё усмотрение.

- Да я... Не надо.

Смеющиеся смайлики.

Она и подумать не могла, чего стоило Воронову написать ей это сегодня.

Алька отложила телефон... Молча поглядела на дрожащие ладони. Зачем он написал ей это? Она же... Господи, что ж она трясется, словно ей.. Нет... Н-нет...

Алька схватила тряпку, снова елозя по стеклу, так яростно, будто дырку протереть собиралась...

Намыв все окна, открыла шкаф, хотела перебрать одежду, может быть, отнести пакет в церковь, оставить там, где собирали вещи для нуждающихся. Руки сами потянулись к верхней полке, доставая небольшую коробку.

Алька отнесла её на постель, сняла крышку, осторожно вынула аккуратные стопочки распашонок, пелёнок, ещё какую-то мелочевку вроде шапочек и царапок. Гладила невидимые шовчики, расправляла рукавчики, не веря, что такие крохотные вещички на самом деле сшиты для маленького человечка...

Поняла, что слезы текут по щекам...

Сходила, умылась, долго стояла около распотрошенной коробки. Потом решительно вытащила пакет, уложила всё это, оделась, выходя из квартиры...

В церкви она встретила знакомую матушку-настоятельницу. Та похвалила Альку за заботу, поблагодарила за доброту, сказала, чтобы подождала, вскоре должна приехать девушка-прихожанка, как раз спрашивала про маленькие вещи для новорождённого...

Алька сидела на краешке деревянной скамьи, разглядывала алтарь и хоры наверху...

- Тяжело? - раздался голос откуда-то сбоку.

Немолодой мужчина, в рясе. Присел рядом. Местный батюшка, она видела его несколько раз... У него всегда был грустный, словно видевший что-то такое... в жизни... взгляд. Алька просто кивнула.

- А ты посиди тут просто. Захочешь, можешь исповедаться, а нет... Просто посиди... Молитва она тишину любит. И чистое сердце. Необязательно здесь, главное, чтобы душе хотелось... обратиться к Богу.

- Тут так спокойно.

Настоятель кивнул.

- Бог услышит. Даже если тебе кажется, что хуже уже не бывает... Без веры жить тяжело. Если в Бога не веришь, верь хотя бы в себя... Не опускай руки. Может быть, где-то кому-то ещё хуже... А может, прямо сейчас кому-то нужна твоя помощь...

- Спасибо... Я... Вы правы, просто сложно иногда самой себе...

Батюшка устало улыбнулся:

- Жизнь она такая... Но если дана, прожить нужно...

Он мягко коснулся её руки, попрощавшись, и ушёл. А Алька долго ходила по близлежащим улочкам, потом доехала в центр, погуляла по Красной площади, по Тверской, дошла зачем-то до Белорусского вокзала, просто посмотрела на поезда...

В автобусе, который вёз её обратно домой, две пожилые женщины что-то обсуждали про приёмные семьи, про детей... Алька закрыла глаза, впервые подумав о приёмном ребёнке. Н-нет... Это страшно... Может быть... Но теперь и Олег... Ушёл или?.. Нет, может быть, потом она подумает, это слишком сложно сейчас.

Глава 14

Алька сидела за своим столом в редакторской и усердно корпела над колонкой для интернет-версии издания. В распахнутое окно доносились гудки машин, голоса, курлыканье голубей где-то выше, под козырьком крыши... Тепло совсем, хорошо...

И, как назло, мыслей толковых нет. Алька грызла карандаш, пялилась то в ноутбук, то в окно, стараясь поменьше разглядывать ту самую фотографию, с озера, в телефоне.

Ванька с Дашкой укатили на съёмки, Маша и Таня ушли на обед в столовую в соседнем здании, и Алька наслаждалась тишиной, записывая на листок умные мысли для статьи.

В коридоре раздался шум, быстрый разговор, шаги протопали в сторону кабинета Стаса... Снова тишина...

Через полчаса дверь распахнулась - на пороге стоял Воронов. Какой-то странно непривычный, подумалось Альке, но потом она поняла: он побрился, бороды нет! И белая рубашка, тёмные брюки, обычные городские кроссовки.

- Ну как, пишутся умные мысли? - хмыкнул Воронов, кладя на ближайший стол стопку журналов и рюкзак.

- Да так, ищутся, - улыбнулась Алька, замирая от дурацкого чувства, что она соскучилась. А он, и вправду, моложе выглядит без бороды.

Костя прошагал к её столу и выложил перед ноутбуком

небольшой пакет.

- Вот. Презент из Питера. В следующий раз сюда пиши, может, быстрее найдутся.

Алька неуверенно развернула пакет: в нём лежала шоколадка с видом Казанского собора и небольшой зелёный блокнот с рисунком на обложке. Алька улыбнулась: питерские коты... Она любила эти смешные рисунки... А тут... Довольный толстый кот шагает по дороге с рюкзаком за спиной, а сверху надпись "Жить - хорошо! "

- Костя, он такой смешной!

- Ну, - Воронов присел на край соседнего стола и провёл рукой по тёмным волосам, - я поискал, толстого бегемота в лодке не нашёл, так что... вот... он... Зовёт тебя в поход.

Алька рассмеялась и смущённо погладила ладонью бархатистую обложку блокнота:

- Спасибо!

- Как ты, всё хорошо?

Алька кивнула. Ну а что она скажет... Всё, что нехорошо, касается только её. Воронов хотел ещё что-то сказать, но тут в комнату влетел Стас с телефоном:

- Черт!... А, Ворон, ты тут? Привет, Аль! Слушай, Ворон, слетай завтра в Нижний, а? Спаси, Новиков, зараза, траванулся в гостинице, говорил я ему, поменьше бухать да по бабам... Ой, прости, Аль... Короче, валяется он там, таблетки жрет, а завтра конференция... Слетай, а?

- Ну... Куда я денусь? Ладно, а билет-то есть?

- Ирка ищет, что есть на утро, - обрадованный Стас набрал жену. - Ир, что там, едет он.

Послушал, потом отключился:

- Вечером поздно есть рейс, завтра только в обед, не успеешь.

- Ну, значит сегодня. Я хоть домой успею заехать?

- Успеешь, он только в десять вечера, езжай, к Ирке только зайди, она билет скинет и сориентирует, что да как... Ладно, ушёл!

Костя хмыкнул:

- М-да, отдохнуть не получится.

Аля встала:

- Тяжело так, часто летать...

- Да я привык.

Воронов постоял, разглядывая её руки, держащие блокнот, потом пробормотал:

- Ладно, пойду я... к Ирке... А то долго потом...

- Спасибо, Костя.

Он улыбнулся и быстро вышел, забирая свой рюкзак.

Глава 15

Костя уставился в иллюминатор - внизу быстро удалялись огни мегаполиса, сверкая, будто новогодняя ёлка. Он устал, вздохнул и опустил спинку кресла. Самолёт полупустой... Хорошо, рядом никого. Чёртов пьяница, Новиков! Всё в нём хорошо, но эта нездоровая страсть к бутылке... и этим вот... посиделкам. А он теперь тащится в Нижний, даже толком не отдохнув... И к матери не заехал...

Воронов снова вздохнул, провёл рукой по лицу, смахивая усталость, и развернул программу завтрашней конференции. Опять придётся языком трепать... Он попытался вычитать хоть что-нибудь, но мысли упорно возвращались... почему-то к Алькиным рукам, держащим блокнот с котом. Что ж она такая худая-то, а? Эти прозрачные тонкие запястья, голубые венки, утыканные следами от уколов... От капельниц, что ли... Ирка же сказала, что она болела долго.

Мысли опять метнулись - на это раз к жене. Придавили тяжёлыми воспоминаниями... Сколько он провёл рядом с ней, в последние недели... Тупо глядя на исколотые до невозможного руки... На то, что от неё осталось. А ведь Лизка была высокой, сильной, крепкой... Пока болезнь не съела её изнутри.

Воронов ткнулся лбом в иллюминатор, глухо вздохнув.

- Может, таблетку от головной боли? - над ним участливо

склонилась стюардесса.

- Да я... устал просто, спасибо. Можно просто стакан воды?

Она кивнула, принесла ему через пару минут. Воронов выпил, покрутил стаканчик в пальцах. Снова мысли зашевелились, беспокойные, изнуряющие...

Да не сравнивает он их! Что она вообще ему... И не хочет он... Он боится, что снова будет видеть в другой женщине свою Лизку. Поэтому он ни с кем и не сошёлся за эти пять лет. Не мог просто... Хоть и говорили все вокруг, мужики, мол, быстро забывают... А он такой... Быстро найдётся на него новая, окрутит и приберет к рукам.

А он - не мог! Мозг помнил, тело помнило! Не мог он без неё... Первый год почти каждый день на кладбище таскался, сидел у могилы, спрашивал, зачем она туда ушла, почему? Да только кто ж ответит на эти вопросы?...

А потом... К Стасу перешёл, требовал от него завалить работой, уезжал в самые сложные экспедиции, шёл в горы, многому научился у альпинистов. Безбашенно шёл, срывался пару раз, вытащили его... А он будто и не хотел. И снова шёл... Там, в горах, любых, ему почему-то проще было... О Лизке думать он мог там по-другому... Словно она уехала что ли куда-то, на время... Вернётся...

Понимал, что всё это хрень полная, а всё равно, выползал в четыре-пять утра из палатки, сидел с кружкой на вершине, пялился на неприступные седые шапки гор, на то, как под-

нимается новый рассвет... И ждал... Чего ждал, сам не знал... Только - возвращался, а дома снова накрывало. И, проторчав несколько недель, сдав свои отчёты, снова брал задание, снова уезжал подальше, где можно было забыть свою боль хотя бы на время...

Мать жалела его... Просила подумать, с кем-то, может, сойтись... А он её жалел... Понимал, что она внуков хочет, от единственного сына, одна ведь живёт, и его одна тянула, вырастила. Не успели они с Лизкой... Чего ждали, прожив вместе пять лет, он и сам не знал, казалось, успеют ещё... Не успели...

Пилот объявил, что скоро Нижний, Воронов удивился - что-то он выпал из реальности. И не заметил, как время пролетело. Ладно, надо собраться, завтра весь день там, в этой толпе... Потом отдыхать будет, может, к матери доедет, в посёлок её, так и живёт в их старом домике, не хочет в город... Ладно, проверит хоть, да может надо что-то подремонтировать. Всегда что-нибудь да найдется...

Глава 16

Алька сидела в очереди к врачу, покорно дожидаясь, пока пройдут всё беременные, за справками, спросить, попросить...

Врач назначила ей осмотр спустя некоторое время после выхода из больницы. Проверить, нет ли последствий. На назначенное на прошлой неделе время Алька не успела, ездила с Ванькой снимать репортаж на другой конец Москвы, а на обратном пути они застряли в пробке... Переписалась... Сидит теперь.

Пожилая добрая тётенька-врач долго перечитывала её карту, смотрела анализы. Сначала последние, потом взяла документы по первому выкидышу, тоже долго читала...

Осмотрела Альку, снова вертела ручку, задумчиво перелистывала записи врачей из отделения патологии.

- Второй, значит, - устало вздохнула, наконец.

Алька кивнула, стараясь быть спокойной.

- Ох, дочка, ты же понимаешь, что решишься сейчас на третий раз, а вероятность ещё больше. Да и возраст. Тридцать почти.

Алька застыла.

- Так сильно хочешь?

- Хочу, - прошептала убито Алька.

- Тогда надо полное обследование, ложиться, гормоны

смотреть... И генетику.. И мужа проверить. А потом уже делать выводы и снова пробовать.

- Я... я не знаю, я пока...

Врач устало вздохнула:

- Ладно, пока-то не надо, дай организму восстановиться после этого... Как надумаешь, приходи, долго это будет.

Она что-то писала в карте, отмечала в компьютере, потом подала Альке бумаги:

- Занесешь в регистратуру? А то у меня тут ещё допоздна... И не переживай, время есть ещё, если с мужем очень хотите, всё получится, не отчаивайся.

Алька вышла из кабинета... С мужем? Хотите? У неё и мужа-то теперь нет... Летаёт там... По другим. Да и не больно-то он хотел ребёнка.

Она зачем-то развернула карту:

"Хроническое невынашивание... под вопросом... Гормоны... Анализы... Генетика"...

Алька отдала карту, вышла, зябко кутаясь в кофту, хотя на улице июнь, жара. Господи... Она села на скамейку в парке напротив больницы.

Господи! За что мне это? Ведь не будет ничего... Что ей делать теперь?

Ей казалось, что она в каком-то вакууме, пузыре... Вокруг жизнь кипит, дети носятся, все бегут, спешат, вечер... Ужин, семья, уроки, домашние дела... А ей? Вроде и не надо ничего... Апатия... Зачем она сюда пошла? Ну что она, не такая?

Не заслужила? Что не так она делает в своей жизни?

Домой она доползла уже в половине десятого, долго сидела в тёмной кухне. Не хотелось ничего и никого. Вроде бы и взяла себя в руки эти две недели, а сейчас... опять... Не хочет ничего...

В пол одиннадцатого позвонила Ирке, та встревоженно забеспокоилась, но Алька просто попросила поработать дома, хотя бы несколько дней. А сама... Легла, отвернулась к стене... Снова лезут ненужные воспоминания...

Глава 17

Костя дописывал свои статьи, каждый день безвылазно сидя в редакторской, с утра и до позднего вечера...

И каждый день наблюдал пустой стол слева у окна, убранные в пластиковый стакан ручки, стопку блокнотов на краю, последний номер журнала.

Ничего не менялось, не было её.

Спросил мимоходом у Ирки - та устало поморщилась, потом нехотя сказала, что Алька дома работает.

- Болеет? - зачем-то спросил он.

- Да нет, - Ирка пристально взглянула на него и он сделал вид, что уже занят корректурой.

Ещё день помаялся, потом написал ей:

"Ещё не весь блокнот исписала? "

Ответа долго не было, хотя прочитанным сообщение стало сразу. Потом упало короткое "Нет". И всё.

И - что?

Откуда ему было знать, что Алька лежит дома, проваливаясь на очередное дно... Что она и с Олегом успела пообщаться...

Сидела в кухне, писала, вернее, пыталась писать статью... Услышала, как в двери крутится ключ.

Открыла. На пороге он, Олег. В форме своей лётной, гладко выбритый, и выглядит, словно пилот с плаката рекламно-

го... На все сто...

И она... Наревевшаяся за две недели, с больной головой, не евшая толком. В раковине - гора засохшей посуды... В спальне - неубранная постель... Духота. Потому что ей холодно. Жара. А ей - холодно.

- Опять ревёшь? Не успокоилась? - Голос холодный, не до неё ему. - Вещи возьму свои, улетаю на пару недель...

Куда? Она не стала спрашивать, молча глядела, как он собирает вещи в два больших пакета, оглядывает комнату, потом её...

- В порядок-то себя приведи... Не стыдно? Шарахаются от тебя, наверное, везде... Ну, господи, да не реви ты, разве можно быть такой?

А она и не поняла, что слезы катятся... Дышать только тяжело стало. Это он? Её Олег? Тот, который говорил, что не может без неё?

Она и не помнила, сколько так простояла, в проёме кухонной двери, и дверь входная уже давно захлопнулась, и он ушёл... Снова потоптался по её душе.

Умылась на автомате, легла. О чем думать-то? Да кто его знает...

Работа на кухне лежит.

А она не хочет.

Тупой разговор, сама с собой...

- Надо встать?

- Не хочу.

- Поесть?
- Не хочу.
- Работу завтра отправить?
- Да.
- Значит, доделать?
- Не могу, не пишется...
- А есть что будешь?
- А надо?
- Разве можно быть такой?
- Не знаю... И он не знает... Ушёл...

Несколько часов таких разговоров... Заставила себя, встала. Всю ночь сидела, писала что-то, перечеркивала, снова писала. Отвлеклась вроде... Уже в пятом часу утра отправила Ирке на почту статьи. Легла. Рядом, на тумбочке, чашка стоит. С чаем. Остывшим давно. Жаль, не тот, горный...

Хотя... Зачем он ей?

И она... Никому не нужна...

Глава 18

Костя сделал круг по Алькиному двору, не нашёл места, ещё раз проехал, может где освободилось... Нет. Уехал в соседний двор, побольше, там приткнулся где-то у края затоптанного газона. Все по домам, утро субботы.

Он сам, наконец, к матери собрался, в посёлок. Сюда зачем-то зарулил. Посидел в машине, покурил.

Что делать-то?

Достал телефон, написал ей: "Аля, всё в порядке? "

Прочитано, не пишет. Он вышел, закрыл машину, походил ещё полчаса, подождал.

Потом плюнул, понял, что будет изводить себя, сам не зная, зачем.

Набрал её. Гудки. Ответь, Аля...

Ещё раз... Ещё...

Хотел уже отключиться, вдруг глухой голос: "Да? "

Он отдернул палец, не сбросить бы.

- Аля, я рано? - посмотрел на часы, да нет, десять уже...

- Нет.

- Не отвечаешь...

- Я в ванной была, не слышала.

Да что ж голос-то такой, как робот.

- Аля, ты как?

- Хорошо.

Опять! Он вдруг рассердился:

- Да ничего не хорошо! Какая квартира у тебя, зайду.

- Не надо, Костя.

- Аля!

- 42.

Он сбросил звонок, дошёл до подъезда, набрал домофон,

- запищал вызов, - дёрнул дверь, пошёл по лестнице, читая номера квартир. Восьмой этаж. Позвонил. Открыла.

- Твою ж..., Аля!?

Ну и вид... Грязные волосы стянуты резинкой, тусклые глаза... Два чёрных дна... Безжизненные. Футболка длинная, замызганная какая-то...

Отступила, прислонилась к стене, смотрит.

- Что случилось у тебя?

- Ничего.

- Да вижу я... Ты вообще что ли не выходишь, ты ела?

- Не знаю.

Костя окинул взглядом душную квартиру.

- Одевайся, поехали со мной, проветришься.

Она устало закрыла глаза.

- Я не хочу.

- Аль, ну нельзя так, люди шарахаться будут.

- Он тоже так сказал.

Она вдруг опустилась вниз, на пол, закрыла лицо руками.

Худые острые колени торчат из-под футболки. Воронов растерялся. Присел на корточки перед ней, пытаясь отвести ла-

дони от лица:

- Аля... Аль, ну нельзя так...

- А как можно? Спать с другими и наплевать в душу?

Ясно... Из-за мужика...

- Аль, не надо...

- Уйди, Костя, пожалуйста...

- Ещё чего... Так, иди умойся, одевайся, я тебя жду полчаса. Или сам одену, во что придётся.

Он встал, увидел в проёме кухни закрытую балконную дверь, разулся, прошёл туда, доставая сигареты. Лучше не трогать её, сама соберётся. Господи, что он делает!? Ещё брошенных чужих жён не утешал...

Сначала тихо было, потом шаги... Шум воды в ванной... Шуршание в комнате. Он вышел, сел на табуретку в кухне. На столе - куча исписанных бумаг, значит, работала... В раковине гора посуды.

Появилась в проёме двери, в джинсах и футболке. Волосы так и стянуты в хвост. Молча прислонилась головой к косяку, что за взгляд-то, а?

- Готова?

- Я не поеду, Костя. Зачем? Тебе зачем?

Он встал:

- А я знаю? Идём, закрывай всё сама, как надо.

Едут.. До материного посёлка час, и весь час она сидит, прислонившись к двери, глаза закрыты, руки на коленях... Худые, безвольные...

Вот и посёлок. Тут всё, как в старые добрые времена... Куры топчутся под заборами, петух орёт, важно вышагивая за своим гаремом. Собаки твякают лениво, наблюдая, как его машина пробирается по улочкам на самую последнюю, дальнюю, у кромки леса, за которым река. У матери позади дома, за огородом, своя калиточка и тропинка, через сосновый лесок, прямо к речке, мелководной, быстрой, говорливой...

Он звонил матери с утра, что приедет, ну и вон она, стоит у зелёной калитки, сухонькая, в своём тёмном платье и белом платке на голове, старенькая...

С каждым годом всё старше... Ему тридцать пять, а ей семьдесят два в следующем году... Поздно его родила, а отец, шофёр, разбился, когда Косте пять было... Вырастила его одна, подняла, и огород с хозяйством на себе тянула, и в колхозе пахала...

Это сейчас у неё остался небольшой огород да несколько курочек, привыкла и справляется пока. Хорошо ей тут. Ну и он, не забывает. Хоть и реже стал приезжать, всё по командировкам мотается...

Костя подъехал, припарковался на зелёном пятачке рядом с калиткой, всегда тут машину оставляет... Усмехнулся. Увидела мать-то, что не один он, прижала руки к груди... Начнёт сейчас...

Он повернулся к Альке, отстегивая ремень:

- Аля, ты есть хочешь?

- Нет.

- Мы у мамы моей... Хочешь в доме побыть или... В саду старые качели есть... Там, может?

- В саду.

Они вышли из машины, Воронов быстро повернулся к матери:

- Мам, привет. Это коллега моя, я её в сад отведу, посидит там... А ты покажи, что в доме сделать надо...

Он зыркнул строго в глаза матери: Молчи!

Та закивала:

- Так я, Костик, давай отведу-то дочку, там клубника есть, поспела... Как зовут-то...

- Аля, - Алька подняла голову, потом протянула руку, разглядывая маленькую такую, по сравнению с высоким и широкоплечим Вороновым, мать.

- Пойдём, Алечка, пойдём, Анна Григорьевна я, - мать взглянула на сына, тот махнул рукой, ладно, и стал вынимать пакеты с продуктами из багажника. Занёс всё в дом, обошёл быстро, глядя, что и где нужно сделать...

Мать зашла в кухню:

- Костик... Посидит, сказала... А она...

- Мам... Она просто работает со мной! Не знаю, что там у неё случилось, пусть побудет здесь.

- А ты? Ты, что же, не останешься?

Воронов огляделся: да, работы тут... и в саду...

- Да останусь, вон тут у тебя всего... Найдешь, где её положить? Тоже останется, нечего дома слезы лить...

- Костик, уж больно худенькая она, совсем прозрачная...

Горе, что ли, какое...

- Мам, говорю, не знаю, и лезть ей в душу тоже не хочу...

- Я думала, может ты...

- Господи, мам, опять сватать будешь?

- Да нет, нет... Я так...

Мать засуетилась у плиты, потом снова бросила взгляд на сына, который полез под лавку, вытягивая ящик с инструментом.

- Костик, а покормить-то её? Сырнички вон, только сделала, и сметанка Людкина... И ты поешь...

- Я поем, давай кран починю, опять у тебя капает... Туда носи, стол старый не развалился ещё?

- Да стоит, что ему...

- Ладно, через полчаса приду.

Воронов возился с краном и поглядывал в окно на маленькую нахохлившуюся фигурку на старых качелях... Сидит...

Мать ей рядом поставила сырники, тарелку с клубникой и стакан молока... Людка, наверное, принесла с утра молоко и сметану.

Он усмехнулся. Мать по грядкам ходит да поглядывает... Гадает, наверное, кого он притащил... Господи, мама, я и сам не знаю, зачем я её сюда приволок...

Когда он вышел во двор через полчаса, вытирая полотенцем руки, мать уже притулилась на скамейке рядом с качелями, что-то рассказывала Альке, а у той на коленях вальяжно

раскинулся старый котяра, Баюн.

Мать подобрала его у сельского магазина тощим серым комочком, а он вырос в роскошного дымчатого котищу, мечту всех поселковых кошек. Дрался, воевал, отстоял свою территорию... Теперь ему уж лет семь или восемь, потише стал. А Баюн, потому что любил залезть на колени, особенно вечером, и тарыхтеть свои бесконечные кошачьи песни... Мял лапами, похрюкивал, полчаса, час мог топтаться, пока устраивался...

Вот и у Альки... Чувствует, зараза, что человеку плохо, к матери не пошел, к Альке залез, журчит ей там чего-то, усы свои вверх тарашит, жмурится, а она чешет ему толстую шею.

Костя взял старый стул, сел к столику.

- Что, Баюн, терапию проводишь?

Алька подняла свои больные глаза, прошелестела тихо:

- Он... красивый такой...

- Да выбросил кто-то. Ему лет восемь уже.

Мать встрепелулась:

- Кушай, Костик, Алечка только один сырничек съела, больше не хочет пока.

- Мам, - улыбнулся Воронов, - у тебя никто голодным не останется... Забор завтра поправлю, давай сегодня все, что в доме надо, и Гришке скажи, чтоб доску принес, у него в сарае должна лежать, я говорил.

- Скажу-скажу, - закивала мать, - дак а ты-то и не отдох-

нешь так...

- Я отдыхать что ли? Людка молоко приносит? Ты отдала ей деньги?

- Отдала, все, что ты оставил, она все приносит, мне даже много, я творожок делала, да что там мне нужно-то...

Воронов до самого вечера прокопался, подделывая все, что требовало руки в доме. Альку не трогал, не лез: не маленькая, сама справится. Мать ей быстро дело найдет.

И правда: вон, на грядках они там что-то пололи, потом белье развешивали в саду у старых яблонь, поливали... Ладно, хоть шевелится... А то совсем, как мертвая... Глаза эти...

Вечером мать ужин накрыла на веранде: хорошо, тепло, комаров нет почти... На столе картошка отварная с укропчиком, сало, курочка, несколько огурчиков – у соседа большая теплица, всегда мать первыми угощает. Квас... Мать любит, делает каждый раз. Воронов поглядывал на Альку, та ела, не поднимая головы, молчала... Поблагодарила мать, а та и рада – накормила.

- Мам, - поднялся он, - к реке ходим, пока не стемнело. Ты ложись уже, отдыхай, я сам все закрою, как вернемся.

Старая тропинка... заросла... Никто и не ходит почти... Травами пахнет, деревней. Особые запахи, родные... Из детства.

Вот и берег реки. Сколько они тут с мальчишками купались... Все по-прежнему, даже мостки стоят, ремонтирует

их Людкин муж. Костя разулся, подкатал штанины, присел, развязывая шнурки на Алькиных кроссовках.

- Костя...

- Сними... Сядь на мостках... Вода теплая сейчас, тут всегда теплее, чем выше по реке, совсем мелко. Нагревается за день.

Алька сидела, опустив ноги в воду, а Воронов стоял рядом, чувствуя, как приятно журчит речка, обмывая кожу, вода и в самом деле теплая. Пахнет ряской и камышом, где-то стрекохут, крикают, шелестят, ухают, щебечут... Звуки смешиваются, перетекают один в другой, вытесняют из головы тяжелые мысли...

- Ты родился здесь?

- До девятого жил, потом в техникум уехал, потом армия, а потом уже в универе со Стасом учились. А мать, видишь, до сих пор тут, не сможет в городе.

- Красивое место... Родное... А мы с мамой всю жизнь за отцом по гарнизонам таскались, и нет никакого родного места.

- Аль, - он присел рядом, сжал ее ладонь.

- Спасибо, Костя.

Они молча глядели на воду, на розовеющее закатное небо, на высокие макушки сосен на другом берегу реки...

В доме он отвел ее наверх, в маленькую мансарду, где стояла узкая кровать, тумбочка да зеркало висело на стене. Потоптался на пороге, задевая головой притолоку:

- Отдыхай... Если с утра буду стучать, не мешает тебе?

Надо сделать много, пока я тут.

- Нет, что ты!

- Ну... Спокойной ночи?

- Спокойной...

В комнату серой тенью проскользнул Баюн, запрыгнул по-хозяйски на кровать, потоптался, проверяя, потом улегся в ногах, потарахтел и стал вылизывать свои пушистые штаны.

- Ну все, охрана есть, мыши не страшны, - засмеялся Костя.

- Мыши?? - обернулась Алька.

- Да шучу я! У этого... хозяина не проскочишь!

- Ой... а то я...

- Видишь, улегся, так что мышей не будет!

- Костя...

- Спокойной ночи, Аля.

Он быстро вышел, посидел еще на крыльце, покурил. Долго лежал, ворочаясь на узком диване. Затих дом... Темень за окнами. Это тебе не Москва, фонарей нет почти. Спать надо, дел полно завтра, а день не резиновый...

Глава 19

- Пей молочко, Алечка, только вот Людочка принесла, подоила коровку свою. Парное-то...

- Да я... не люблю молоко так.

- Так то магазинное, вода одна... А ты попробуй... И ягодки вот, и хлебушек.

Алька пила теплое парное молоко, пахнущее деревней. Ела клубнику... Сладкая она, сахарная, солнцем пропитана... Господи, вкусно-то как... И ломоть хлеба... Это она, которая терпеть молоко не могла... Сидит и пьет, и добавки просит?

- Вот то-то же, у нас тут все свежее, свое, Людка-то хорошее хозяйство держит.

- А вы как же управляетесь? – Аллька взглянула на пожилую женщину, которая перебирала в миске фасоль. – Тяжело же так...

- Да привыкла я тут, дочка. Костик предлагал туда, в Москву, а не хочу я... Страшно мне там... А тут родное все, мое.

- У вас здесь очень красиво!

- Оно-то да, хорошие места у нас, и люди добрые, все друг другу помогают, а как иначе-то... Сегодня соседу поможешь, а завтра он тебя выручит. Свои все, все всех знают.

Аля слабо улыбнулась – сложно такое в Москве предста-

вить, там каждый сам за себя. Хорошо, они с Ирккой дружат так...

Со двора раздавался стук топора, визг пилы, голоса мужские... Сосед Гришка пришел помочь Косте с забором, вот они там сейчас и налаживали доски, меняли прогнившие да покосившиеся.

Анна Григорьевна все посматривала на худенькую, маленькую девушку, да сын с утра снова с ней строго поговорил, наказал не лезть с расспросами, не трогать ее... А ей-то, конечно, хотелось поговорить да расспросить... Правда, кольцо на пальце она увидала, значит замужем девочка, эх, жаль, хорошая такая, только прозрачная совсем и смотрит, словно горе какое...

Но, раз сын сказал не трогать, значит нельзя. И женщина, вздохнув, повела Альку в сад, показывала свое хозяйство, дела ей нашла поделать понемногу, фотографии достала – любила она рассматривать те, где Костик маленький и муж еще жив был...

Аля улыбалась, глядя на худенького мальчишку... Неужели Воронов таким был? Но глаза да, те же... На отца похож, судя по фотографиям. Как же у них все здесь... Другой мир какой-то...

- Хочешь, оставлю тебя здесь, мать только рада будет, - хмыкнул Воронов, пока выворачивал с проселочной дороги на трассу в Москву.

- Так работа вся дома, - серьезно отвечала Алька.

- Может, уже в редакцию вернешься?

- Я пока дома, мне... в тишине лучше пишется.

- Ну да, я видел.

Алька сжала руки, глядя на серое полотно дороги:

- Я, знаешь, иногда так себя ненавижу, за то, что слабая и не могу справиться с тем, что...

- Извини, я лезу не в свое дело...

Алька замолчала, снова замыкаясь.

Дома взялась за гору посуды, перемыла, убрала, пол протерла, проветрила все. Дышать легче стало. Ирка звонила, но Алка попросила еще несколько дней дома поработать, не хотелось ей в офис... Хорошие они все, но сейчас ей плохо...

Глава 20

- Блин, Стас, ну куда мне вот? – Ирка уныло сидела на краешке рабочего стола мужа и глядела, как скачет в его большом кожаном кресле их шевбутная дочурка, пятилетняя Анька.

Допрыгалась – стакан с ручками полетел на пол. Стас шагнул к ней, Анька замерла в кресле, потом рассмеялась:

- Папа, а ты мне мороженое обещал!

- Ремня я тебе не обещал? – Стас уперся ладонями в подлокотники, грозно нависая над собственным чадом.

- Нет, не обещал! – серьезно помотала головой та и снова рассмеялась, видя, как разъезжаются в улыбке губы отца.

- Ирка! Это в тебя она такая!

- А ты против? – ткнула его жена в спину. – Ей скучно одной, ей нужен братик или сестричка!

- Да! Да! Блатик! – запрыгала Анька, вешаясь на шею Стасу.

- Какой еще... Ир, ты сдурела?

Ирка только рассмеялась и слезла со стола, собрать ручки.

- Ну? Ты видишь, куда ее оставить? Она любую няню на смерть замучает, а мама не приедет, у нее обследование через две недели, ложиться надо.

Стас сел в кресло, держа дочку на коленях. Она тут же схватила лист бумаги и карандаш, принялась выводить кара-

кули, высунув язык от напряжения.

- Во, смотри, я могу «папа» написать!

- Ага, - рассеянно похвалил Стас и снова взглянул на жену. – Ну и что? Опять Ворон там один будет отдуваться?

- Дашка?

- Дашка так не напишет, у нее вообще там другие задачи, они с Ванькой съемками будут заняты...

- Они так друг на друга пялятся, что заняты будут.. - Ирка сердито замолчала, взглянув на дочь.

Стас хмыкнул, потом снял трубку:

- Ворон, зайди, а?

Через пару минут кабинет вошел Костя.

- Что это тут за работник? Новый начальник?

- Насяльник, ага! Привет, Костя!

- Слушай, Костя, - Ирка подошла к мужчине, - Не могу я лететь, видишь этот электровеник...

- А что делать? Дашка вам будет статьи писать?

Ирка вдруг просветлела:

- Слушай, а давай... Возьми Альку, она еще лучше меня напишет!

- Кого? Ты с ума сошла, Ир? Да ее там ветром сдует с первого же пригорка!

- Что это?

- Ты ее видела? Давно разглядывала?

Ирка прищурилась:

- А ты? Давно?

Стас рассмеялся:

- Костян, ну правда, никак Ирке. А Алька точно хорошо напишет, ну, что она, не справится в походе?

- Да она дальше своего дома нигде не была, а это – горы!

Ирка хитро взглянула на Стаса:

- Что-то ты больно много про нее знаешь, а, Ворон?

- Ир, угомонись!

- Молчу-молчу.

Воронов почесал макушку:

- У нее вообще есть какая-нибудь одежда? Или она в джинсах будет по горам скакать?

- Значит, согласен!? – кинулась ему на шею Ирка, - да найдем мы ей все!

- Стас, забери свою жену, а? – Воронов расцепил Иркины руки. – А рюкзак я ей нести буду? Ее же перевесит двумя килограммами?

- Костя, миленький, да справится она, зато хоть забудет это все свое...

Ирка запнулась и замолчала.

Костя повернулся к двери:

- Ладно, сами тут с ней решайте, две недели у вас. А я хочу созвониться с проводниками, может, где-то попроще маршрут перестроим.

Глава 21

- Ир, да надо мной же все смеяться будут! Ну что я там делать стану?

- Слушай, Громова, - Ирка рассердилась и назвала Альку девичьей фамилией, - Ну вот скажи, ты хочешь хоть раз куда-нибудь съездить, не вариться тут в этом киселе, отвлечься?

- Я боюсь, Ир.

- Чего? Ты что, одна туда летишь? Дашка, Ворон, Ванька... Вы вчетвером, понимаешь, а еще группа, проводники, альпинисты. Тебе всего лишь надо тащить свой рюкзак, писать классные статьи обо всем, что видишь, и несколько интервью у альпинистов. Съёмки – это Ванька и Дашка, Воронов со своей стороны напишет.

Аля посмотрела в окно на шумный, пыльный, изнывающий от городской жары и духоты проспект... Горы... Чего она боится... А Костя тогда так рассказывал... Когда они на озере были... И правда, отвлечется она там, там совсем все другое... Совсем...

Она опустила голову и взглянула на обложку блокнота, который ей подарил Воронов: толстый кот с рюкзаком шагает по дороге. Зовёт... в поход...

- Я поеду, Ир... Только у меня же нет ничего...

- Вот и молодец! – обрадовалась подруга, потом скепти-

чески оглядела Алькину фигуру, - Блин, худющая ты... Я бы тебе свое снаряжение дала, но ты в нем утонешь...

Алька улыбнулась, вспомнив штаны Воронова.

- Ладно, не пообедем мы и спонсоры, выделим тебе на одежды походные, в обмен на крутые статьи. Давай в субботу с тобой съезжу по магазинам, пусть Стас с Анькой в парке отдувается, папаша!

Суббота стоила нервов им обеим... Они объездили четыре или пять магазинов, Ирка ругалась, продавцы носились, выгребая со складов самые маленькие взрослые размеры. В конце концов, уже в шестом часу вечера, обе, уставшие до чертиков, подруги приземлились в небольшом кафе, набросившись на еду.

- Фух, слона съем, упарилась, хрен что подберешь на тебя, надо было в детские магазины заходить, - рассмеялась Ирка.

Аля устало улыбнулась. Ее уже тоже охватило вот это вот странное ощущение... Счастья? От того, что она поедет в свою первую поездку, в горы... Внутри все тряслось, но волнение окутывало приятным предвкушением, и, главное, ей хотелось написать путевые заметки.

С Иркой они договорились, что, помимо статей, Алка будет каждый день наговаривать на диктофон что-то вроде впечатлений, а они потом сделают из них подкаст для интернет-версии журнала.

Боже мой, неужели через десять дней она полетит туда, где все совсем по-другому?..

Воронов их восторгов не разделял...

Поэтому все десять дней провел на телефоне, утрясая новый маршрут. Какие походы к самым вершинам вместе с альпинистами, если такой прицеп? Что Аля, что Дашка... Вдвоем со Стасом они несколько дней ломали голову, а потом решили: а что? Это тоже опыт, который интересен тем, кто только собирается в горы, спонсоров они все равно прорекламируют, почему бы и нет?

На начальной точке они встретятся с группой альпинистов, возьмут интервью, потом те идут в своем темпе на Эльбрус, а Костя и два проводника ведут их группу и еще нескольких таких же начинающих туристов по кольцевому маршруту, забираясь в горы не так высоко, но достаточно, чтобы сделать красивые репортажи, прорекламировать спонсоров и написать статьи. Тут тебе и горные реки, и озера, и восхождения, и рассвет в горах, и романтика в палатках... Одни фотографии Ваньки чего будут стоить...

Они со Стасом поржали, распределяя народ по палаткам, вспомнив жаркие взгляды, которыми их взбаломошный фотограф каждый раз наделял Дашку. Потом Стас все-таки стал серьезным и решил, что четверо девушек – Аля, Дашка и двое туристов, займут две палатки, а мужчины уже на месте разделятся по двое в остальные.

Во всей этой беготне Воронов Альку-то даже толком и не видел, только один раз, на сборе, где Стас распинался по поводу маршрута, статей и спонсоров. Сидела, молчала, испу-

ганная. Ладно, справятся они. Документы почти готовы, все оплачено, через два дня самолет. Прощай, пыльная Москва! Мы – в горы!

Глава 22

Терминал В, Шереметьево...

Почти полдень. Гул голосов, рюкзаки, чемоданы повсюду, кто-то ругается с администратором на стойке авиакомпании... Самолеты рулят на взлетку...

Воронов, в трекинговых штанах и ботинках, черной футболке с логотипом журнала, держит в руках документы, окидывая взглядом их немногочисленную компанию.

Ванька вытирает мокрый лоб и ерошит рыжие вихры – упарился со своей аппаратурой, теперь все три часа будет бухтеть, как бы не разбили его драгоценную оптику. Места в самолете у них рядом.

Взгляд задерживается на Дашке и Але. Как две сестры, ей-Богу... Маленькие, худенькие, одна с темными волосами, забранными в хвост, вторая с короткой стрижкой. Обе в трекинговых штанах, тех же черных футболках с лого журнала, в руках рюкзаки и блокноты. Дашка уже что-то строчит в свой, а Аля молча озирается по сторонам, со спокойной улыбкой наблюдая, как двое мальчишек неподалеку от нее не могут поделить два игрушечных пистолета.

Воронову почему-то хочется, чтобы она посмотрела на него, но девушка никак не переведет свой взгляд... Молча ищет что-то в карманах флиски, завязанной узлом на талии, вынимает две маленькие шоколадки, присаживается и отда-

ет мальчишкам. Те прекращают ругаться, принимают подарки, а Аля что-то говорит им, объясняет, и вот они уже тычут ей свои пистолетики, сами тоже что-то бурно рассказывая.

Потом вся группа ждет посадки у своего гейта, народу много, отпуска. Каникулы... Воронов еще на телефоне, обсуждает со Стасом, слушает последние указания.

Объявляют посадку. Воронов не спешит, места понятны, дожидается, когда пройдет большинство туристов, пропускает вперед своих, документы проверяют и они, наконец, оказываются в самолете.

Он и Ванька устраиваются на соседних креслах, у окна – пожилой крепкий мужчина. Алька и Дашка чуть впереди, через два ряда. Смеются, переговариваются...

Аля вдруг оборачивается, обеспокоенно ищет его взглядом. Воронов машет ей и улыбается. Она облегченно выдыхает и тоже дарит ему спокойную уже улыбку.

Самолет разгоняется, поднимается в воздух.

Воронов втыкает в уши наушники и закрывает глаза, пытаясь думать о маршруте, а не о том, как она сейчас улыбнулась.

Все-таки – улыбнулась.

Глава 23

Аля отодвинула занавеску на небольшом окне – темень, чуть вдалеке светятся несколько окон да около их домика фонарь. Всё. Да и что она хотела тут разглядеть? В горах темнеет быстро.

Из аэропорта их забрал микроавтобус, они долго ехали, их с Дашкой даже немного укачало... Сюда, в Приэльбрусье, в небольшой поселок на несколько домиков, они прибыли уже поздно вечером, в темноте. Их разместили в одном из гостевых шале, в соседнем, неподалеку, как она поняла, та туристическая группа – тоже уже прилетели, только утром.

Завтра им предстоит съездить в альплагерь у подножия Эльбруса, взять интервью и пообщаться с альпинистами, подготовить несколько репортажей, пока еще здесь ловит интернет. Дальше, на маршруте, его не будет, там и мобильная связь-то местами...

Аля обернулась: в комнатке две кровати, тумбочка, теплые одеяла в ногах, если станет прохладно. Небольшой шкаф, около которого они бросили свои рюкзаки. В комнату влетела встрепанная Дашка:

- Ух, как тут здорово, да? Совсем другой мир, воздух такой, ложкой ешь, а это мы еще и не вышли никуда...

- Ага, обалденный.

- Есть пойдем, Ворон звал, ужин накрыли, а я голооодная!

Жуть, с самого самолета!

В столовой их ждала невысокая коренастая женщина, которая быстро накрыла им на стол, в середину поставила большой термос с горным чаем. Вторая группа, видимо, ела у себя, тут на четверых накрыто.

Ванька потянул Дашку, что-то прошептал ей на ухо, та захохотала и они набросились на еду. Аля села рядом с Вороновым.

- Ну как? Все хорошо, сильно устала?

- Да так... больше от перелетов и переездов.

- Ничего, завтра мы только в десять поедем, они тренировки начнут, Ванька поснимает, так что выспитесь.

- Тут воздух такой...

Костя улыбнулся и потянулся за термосом, наливая ей чай – запахло знакомым букетом трав.

- Чай у них везде замечательный! С собой тоже возьмем сбор, ты еще почувствуешь, какой это кайф, сидеть с кружкой в пять утра и смотреть на рассвет в горах...

- Сидеть надо не с кружкой, а с подружкой, - пошутил довольный Ванька и снова разложил свою лапищу за спиной у Дашки.

- А когда мы уже туда, в горы? – спросила Аля, откусывая горячий хычин с сыром. Господи, вкусно-то как...

- Через два дня, быстро высоту набирать не будем, успеете привыкнуть, - Костя поднялся. - Ну, всем спокойной ночи, позвоню еще Стасу.

Аля не удержалась, выскользнула на крыльцо, стоя на веранде в почти полной темноте. Запрокинула голову и смотрела на звезды... Миллионы звезд... Даже попробовала сфотографировать телефоном, но, конечно, это была пустая затея...

Она молчала, любовалась на эту безмолвную красоту, вдыхая горный воздух, и впервые за долгое время чувствовала себя спокойной и счастливой. Просто так... Потому что она здесь.

Глава 24

Алька с Дашкой сидели на огромном плоском валуне и наблюдали за тренировкой альпинистов. Тренировка была довольно простая, скалы рядом невысокие, но им для статьи хватит, а Ванька итак всех уже наснимал на фоне седого великана Эльбруса. Интервью тоже взяты. Вторая встреча с альпинистами состоится в конце их поездки, когда те завершат восхождение, а их группа пройдет свой, кольцевой маршрут.

- Блииин, какие они все... - мечтательно вздохнула Дашка, плясь на парней в снаряжении.

- А как же Ванька? – хмыкнула Алька.

- А что Ванька? Прыгает вокруг, а дальше?

- Дашка... Ну ты... Ну сама прояви инициативу, если он так тебе...

- О, точно! – перебила коллегу неунывающая Дашка. – Так, пойдем в горы, зажду его там где-нибудь в подходящем уголке, в удобной пещерке!

Алька приснула, представив, как такая же хрупкая, как она сама, Дашка зажимает огромного, словно медведь, Ваньку.

- Хватит ржать! – Дашка спрыгнула с камня и пошла к спортсменам, вскоре послышался ее игривый смех.

Алька обратила внимание, как сердито взглянул на де-

вушку их рыжий коллега. Она направилась к нему:

- Ну что, Вань, хорошо снимается?

- Нормально, что я, не профессионал?

- А где... Костя?

- Где-где? На горе! – Ванька обернулся и кивнул на тренировочную скалу, на самой вершине которой стояла маленькая отсюда фигура в черном, поправляя страховку.

- Ой... это что, он тоже? – Алька удивленно смотрела на Воронова.

- А ты не знала? Он с ними пять сезонов ходил, один раз на самую вершину.

- Нет, не знала...

- А ты его попроси, он тебе расскажет, как он там сорвался, а его вытягивали...

- Господи, жуть какая...

- Да нормально все. Хочешь, тебя сфоткаю? Вон, ты у нас настоящий турист-походник, - Ванька захохотал.

- Да ну тебя!

- Вставай, вставай, как раз успею, пока они там спускаться не начнут. Тогда его отсниму, надо же денежки спонсоров отрабатывать.

Довольный Ванька нащелкал Альку на фоне огромных гор и занялся съемкой спортсменов. Аля, прислонив руку козырьком, смотрела с замиранием сердца, как ловко спускается Воронов по отвесу скалы... Жуть какая! Но – красиво!

На обратном пути, пока они тряслись в открытом УАЗике,

Алька так ему и сказала, а он только усмехнулся, взглянул на нее искоса и предложил:

- А хочешь, и тебя?..

- Нет, нет! – замахала руками испуганная Алька, - С ума сошел? Мне и сапа пока хватило!

Костя рассмеялся, потом выпрямился и, словно невзначай, положил руку за ее спиной, касаясь плеча:

- Завтра утром выходим. Идти будем максимум по 10-15 км, не больше, чтобы и Ванька успевал снимать, и вы налюбовались и отдыхать успевали, и поработать.

Алька сидела, замерев, ощущая, как его пальцы легко касаются ее плеча... И пахло от него так... Мужским каким-то запахом... УАЗик тряхнуло и она схватилась за его предплечье, мышцы напряглись, рука его прижала ее к себе. И не отпускала, пока они не добрались до их шале.

- А что это Костян тебя там обнимал, а? – хитро прищурилась вездесущая Дашка, когда они переодевались к ужину.

- Да ничего он не... - покраснела Алька.

- Ну-ну, точно...

- Дашка! Охмуряй своего Савченко, а?

- Тихо, подруга, у меня все под контролем!

- Вот и отлично! – сердито пробормотала Алька и шмыгнула в душ, закрывая дверь.

Там она прижала ладони к лицу и долго смотрела на себя в зеркало... Господи, что за ерунда с ней творится... И ничего он ее не обнимал... Или обнимал?

Она уже и сама не понимала, хотелось бы ей этого или нет, но то, что это было... приятно...

Да, черт возьми, это было приятно!

Глава 25

Сегодня первый день маршрута.

Идти им не очень много, двенадцать километров, через лес, луга, ущелье... Почти равнина. Привыкать будут, как посмеялся один из проводников, окинув взглядом девчонок с рюкзаками.

Всё утро они провели, собирая вещи и знакомясь с второй, туристической, группой и двумя сопровождающими. Але понравились обе женщины из второй группы: Света, ей двадцать пять, красивая, высокая блондинка, и Маша, ровесница Дашки, такая же шептунья и неугомонная.

Пока мужчины собирали и проверяли всё их походное снаряжение, Света бросала заинтересованные взгляды на Воронова, потом не выдержала, спросила у Альки:

- Он женат? Такой... М-м-м... Я бы с ним...
- Я не знаю, Света, - честно ответила Алька.
- Ладно, в пути посмотрим...

На что она посмотрит, сердито думала Алька, пока они все пересчитывались, получали свою поклажу и выдвигались в путь. Их выстроили цепочкой, впереди один проводник и мужчины из тургруппы, - они потом уйдут вперёд, чтобы разбить лагерь, пока их съёмочная группа сделает свой репортаж, за ними Ванька с аппаратурой, все девчонки, замыкают Костя и второй проводник.

Алька поправила лямки рюкзака и довольно огляделась по сторонам: нести пока не тяжело, понятно, что в горах сложнее будет, когда начнутся подъёмы. Но как же красиво! Всё такое цветущее, самый пик, начало июля.

Боже мой, она и представить себе не могла, что где-то есть такая красота, это же просто чудо какое-то...

И если можно ещё надеть кучу фотографий, чтобы хоть как-то запечатлеть для себя эти безумно прекрасные виды... То как сохранить эти запахи, этот упоительный воздух, это пение птиц, ароматы цветов!

Ей вдруг показалось, что с приездом сюда чёрная тоска в душе понемногу стала замещаться пока ещё маленьким ручейком ощущения спокойствия и счастья, который, кажется, превратится в огромную полноводную реку, когда они пройдут весь маршрут.

Позади послышался смех и Аля обернулась: эта, Света... Уже о чём-то смеётся с Вороновым, касаясь его согнутой руки. Он заметил её взгляд, улыбнулся. Аля осторожно улыбнулась в ответ, понимая, что ей тоже хотелось бы идти рядом с ним... Но это глупо как-то... Она отвернулась и заговорила с идущей рядом Дашкой.

Ближе к трём часам они достигли бурной горной речки, сделали небольшой привал. Дальше все шли вперёд, разбивать лагерь, а они вчетвером оставались тут, дожидаться предзакатного солнца - Ваньке нужен был свой свет, чтобы снимать пейзажи.

Света хотела остаться с ними, но тут на неё как-то грубовато наехал Ванька, сказав, что у них работа, а не гулянки. Аля с Дашкой посмеялись, глядя, как обиженная Света уходит вслед за остальными, а Ванька, устанавливая свою аппаратуру, буркнул:

- Ёлки, Ворон, мёдом им намазано, вокруг тебя скакать... Иди сюда, наснимаю им фоточек, чтобы лили потом слюни и покупали журнальчик, скажу Ирке, чтобы на обложку тебя тиснула, во всей красе!

Все уже давились от смеха, глядя, как выпендривается Костя, стоя на большом обломке скалы и принимая разные позы... Потом увлечённый Ванька снимал природу, заставляя Воронова переставлять аппаратуру так, как ему надо, Дашка сидела с блокнотом и пялилась на Ваньку, а Аля легла у реки, жуя травинку, раскинула руки и глядела, как плывут розовеющие облака, слушала пение птиц и шум воды на перекатах...

Костя остановился недалеко от Альки, пока Ванька с Дашкой собирали технику, и смотрел, как та лежит, раскинув руки, беззаботная, с счастливой улыбкой на лице... Весь день, пока они шли, он давил в себе желание отвязаться от этой Светы и идти рядом с ней... Она здесь стала совсем другой... Вроде и та же Алька, но... другая... Объяснить это чувство он не мог, зато шёл и ругал себя за то, что начинает думать о ней в каком-то совсем другом смысле...

Зачем он обнял её вчера в машине? Сейчас ещё, как Вань-

ка, будет вокруг прыгать с намёками... В голову опять полезли воспоминания о жене, и ещё какое-то чувство вины... Он тут, живой, пляшет и лапает чужую жену, а она там... Нет её...

Он вздохнул, потом шагнул, опускаясь на колени рядом с девушкой:

- Хорошо, Аль?

Та дёрнулась, села испуганно:

- Ой, Костя! Я что-то... совсем...

- Замечталась?

- Ага... Господи, и подумать не могла, что может быть так хорошо.

Алька потянулась и Воронов отвёл глаза от её футболки.

- Пойдём, Аль, скоро темнеть начнёт, быстро, а нам ещё час где-то идти. Сильно устала?

- Да нет, не очень, ещё же не сложно, да?

Костя засмеялся и протянул ей ладонь. Ещё бы не отпустить её.

В лагерь они пришли уже в сумерках, мужчины закончили установку палаток, варили немудреный ужин - гречку с тушенкой, девушки нарезали овощи, булькал котелок с кипятком...

Когда все обустроились и поели, один из проводников достал из чехла гитару и запел довольно приятным голосом: Высоцкого, Визбора... Про горы, походы...

Костя уловил краем глаза движение Светы, которая хо-

тела пересесть к нему, опередил её, поднявшись и придвинув обломок старого пня, на котором сидел, к бревну около Альки. Та и не заметила, она завороченно смотрела на огонь и слушала песни, кутаясь в свою флиску. Стало ощутимо прохладнее. Воронов усмехнулся, проигнорировав возмущённый Светин взгляд, и набросил Альке на плечи свою флиску. Она обернулась:

- А ты, Костя? Прохладно же...

- А я привычный и на мне мяса больше.

Она тихо рассмеялась и прислонилась к его плечу. Рука сама скользнула, обнимая её за талию. Что ж так хорошо-то, а? И волосы её... Пахнут солнцем, травами, свежим воздухом.

Потом, лёжа в палатке, Воронов снова думал о жене... В последний год, перед её болезнью, они ведь ходили в поход вот так... Что ж он делает-то, а? Предаёт Лизкину память? Она там... Она больше не видит этой красоты...

Глава 26

Алька скосила глаза на наручные часы: почти половина пятого. Черт, ну и рань... А она выпалась. Осторожно, чтобы не разбудить Дашку, выбралась из палатки. Никого, тихо...

Сбегала в кусты, когда вернулась - у палатки рядом сидел сосредоточенный лохматый Ванька и собирал свой фотоаппарат.

- Ты чего так рано, Вань?

- Рассвет поснимать хочу.

- А мне? Можно с тобой?

- Я один работаю, без ваших этих охов-вздохов, - Ванька взглянул на неё. - Хочешь компанию, вон за этими деревьями холм, Ворон там уже принимает свою порцию кайфа, чаек распивает... Иди, составь ему...

Он хмыкнул и зачехлил фотик, вставая, ушёл в другую сторону.

Алька помедлила, потом осторожно пошла по едва заметной тропинке. Прошла лесок, небольшую полянку, и замерла около одинокого дерева. На холме, рядом с огромным валуном, сидел Костя. В руках кружка, около ноги термос.

Она хотела было подойти к нему, но он вдруг как-то сгорбился, потер одной ладонью лицо, второй проводя по волосам... Закурил, глядя куда-то вдаль. То ли уставший, то ли расстроенный...

И Алька не решилась, молча повернулась и ушла обратно.

Глава 27

- Алька, блин, я уже еле ползу, может выбросить, к чёрту, этот рюкзак, а? И налегке идти?

Дашка сопела рядом, поднимаясь по осыпающейся каменистой тропе. В таком темпе у них уже неделя прошла...

- Разговорчики в строю! - рявкнул ей на ухо, подкравшись сзади, Ванька. Дашка подпрыгнула.

- Господи, Ванька, ты идиот?! Заикой тут стану! Чуть ногу не подвернула! Вот подверну, назло тебе, и понесешь меня до самого конца...

Ванька вдруг сгрёб её, подхватывая под колени, и потащил, смеясь:

- А где этот конец, Дашка?

- Где-где? В ЗАГСе!

Позади захохотали остальные мужики. Шедший впереди Костя обернулся:

- Всё, Савченко, попал? Чистосердечное признание смягчает приговор.

- А я что? Я всегда-пожалуйста!

Ванька ткнул Дашку в землю и вдруг опустился на одно колено, сделав смиренное лицо:

- Даша!

Все замерли, больше всех сама Дашка. Она-то уже далеко свои мечты раскатала.

- Хочу тебе признаться, что это я... слопал вчера ту шоколадку, которую ты полвечера искала!

Все повалились, хохоча, пользуясь моментом скинуть рюкзаки и отдохнуть на затяжном подъёме. Дашка плюхнулась рядом с Ванькой, обняла его:

- У меня ещё одна есть, хочешь?

Проводник впереди махнул рукой:

- Ладно, двадцать минут привал, отдыхайте!

Аля опустилась на склон, вытягивая горевшие с не привычки от такого долгого подъёма ноги.

- Устала? - Воронов протянул ей бутылку с водой.

- Ага, только... Всё равно хорошо.

- Согласен, такой вид вокруг.

- Я всё оборачиваюсь назад, на это ущелье, и никак не могу поверить, что вся эта красота настоящая... И что я здесь.

- Нравится тебе?

Аля кивнула:

- Чего я дома сидела, Костя? Если бы я знала, ещё после первого раза, что есть такие места, я бы сюда уехала.

Она замолчала, опираясь ладонями в траву. Воронов бросил на неё вопросительный взгляд, он не понял, какой первый раз она имела ввиду, но девушка словно ушла в себя, что-то вспоминая...

Он снова подавил желание обнять её...

- Костя, я, кажется, ногу натерла. Посмотри пожалуйста, - рядом опустилась Светка и, скинув ботинок, положила ему

на колени свою ступню.

- Свет, спроси у Артёма, у него есть аптечка, - Костя кивнул на проводника.

- А ты?

- А у меня нет, - он подавил усмешку. Зато услышал, как рядом сдавленно хрюкнула Алька.

Света угрюмо поднялась, подзывая Артёма, а Воронов откинулся назад, раскинув руки в стороны. В левой руке аж заныло от желания провести пальцами по худенькой Алькиной спине. Он поднял руку, не касаясь буквально несколько миллиметров...

- Костя...

- А? - он испуганно убрал руку.

- А вот те, жёлтым цветут, что это? Я уже несколько раз видела.

- Рододендрон.

- Красиво так...

- Дальше идём, - крикнул Артём. Все стали подниматься, надевая рюкзаки.

- Аль, - Костя постоял рядом с девушкой, - давай помогу тебе, до поляны хотя бы?

- Нет, ты что? Все несут, а я? Самая дохлая что ли?

Он рассмеялся.

- Я сама хочу, Костя, - снова этот серьёзный взгляд, - ну устала, так вечером отдохну. И ты же сам сказал, что мы сегодня на несколько дней лагерь разобьём.

- Привыкните к высоте, - кивнул Костя, - да и Савченко вон наметил себе супер виды, будет каждое утро прыгать, рассветы ждать... Идём?

- Костя, - Алька нерешительно помолчала, - а... а я тоже хочу вот, с чаем... рассвет...

Он улыбнулся:

- Ну, хочешь, разбужу тебя?

- Очень хочу.

Он вдруг протянул руку и поправил её кепку зачем-то:

- Ты загорела уже... Не такая...

- Бледная моль? - хмыкнула Алька.

- Да, - он всё ещё смотрел на неё и она смущённо отвела взгляд.

- Идём, а то уйдут все.

Костя надел солнечные очки и потянул Альку за собой...

Глава 28

Поздно вечером, когда все уже улеглись, Альке вдруг при-
спичило в туалет.

- Даш, пойдём до кустиков сходим, а? Я одна боюсь в та-
кой темноте.

- Че там, медведь тебя за задницу укусит? Так у тебя там
кусать нечего!

Алька засмеялась:

- Даш, ну пошли, быстренько.

- Ладно, идём.

Они пробрались чуть дальше от лагеря, сделали свои дела
и молча возвращались обратно в неясном свете луны, когда
Дашка вдруг затормозила и тронула за руку Альку.

- Ты чего? - почему-то прошептала та.

Дашка кивнула: чуть в стороне, у деревьев с другой сто-
роны лагеря, светился огонёк сигареты и виднелись два тём-
ных силуэта.

- Пошли, - шепнула Дашка и стала, крадучись, пробираться
ближе.

- Ты сдурела, кто там?

- Костян... И эта, Светка... Кажется, я видела, как она из
палатки вылезла, когда мы через поляну прошли.

Они замерли за последними кустами метрах в десяти от
стоящих людей.

- Даш, мы больные, а? - пробормотала Алька.

- Ещё какие! - хмыкнула та, - подожди, сейчас она точно на него вешаться будет, её же плющит...

Раздался тихий Светкин голос:

- Костя...

- А?

- Ну что ты такой?

- Какой?

- Нелюдимый какой-то... Я не нравлюсь тебе?

- Свет, тебе делать нечего?

- Почему? Что плохого в том, чтобы приятно провести время? Поверь, я смогу сделать тебе очень приятно...

Девчонки увидели, как Светкины руки скользнули, обнимая парня за шею.

- Свет, - он не сделал попытки обнять её в ответ. - Не надо, я не занимаюсь этим тут...

- А где занимаешься? Давай уйдём куда-нибудь?

Воронов прерывисто вздохнул и сдвинул её руки:

- Свет, ты... красивая, но я...

- Ты женат?

- Нет.

- Тогда почему?

- Потому.

Она отступила, помолчала.

- Это она, да?

Воронов молчал.

- Я видела, как ты на неё смотришь... Ну что в ней такого, ни рожи, ни...

- Свет, иди спать.

- У неё кольцо на пальце, она же замужем!

Воронов потушил сигарету и хотел повернуться, но Света вдруг прильнула к нему, послышался звук поцелуя.

- Вот коза, а? - возмущённо шепнула Дашка, неловко повернувшись. Громко треснула сухая ветка. Они испуганно замерли.

Светка дёрнулась:

- Что это, Костя?

Воронов фыркнул:

- Медведи по кустам прячутся!

Алька вжала лицо в колени, чтобы не рассмеяться. Господи, вот они больные, ей-богу! Рядом корчилась Дашка.

Воронов развернулся, шагнул к палаткам, откидывая полог. Оттуда послышался голос Ваньки:

- Ворон, ты спать будешь, а? Двенадцать. Я на рассвет встать хочу.

- Да я покурил только.

Полог закрылся, голоса стали невнятными. Девчонки дождались, пока Светка залезет в свою палатку, потом прошмыгнули до своей.

- У, ведьма! Если бы она так на Ваньку вешалась, я бы быстро ей патлы..., - бушевала Дашка.

- Даш, остынь, она ж на него не вешалась!

Дашка прищурилась:

- Интересно, про кого это она говорила ему?

- Не знаю.

- Алька?! - Дашка усмехнулась.

- Всё, спи.

- Я-то сплю, а вот он... И ты...

- Даш, ты рехнулась? Я замужем!

- Аль...

- Что?

- Но... Он, правда, тут как-то по-другому на тебя...

- И что мне? Кинуться ему на шею, как Светка, и тащить в кусты?

Дашка захохотала.

- Всё, Даш, спать давай. Господи, сходили в кустики.

Глава 29

Алька уже полчаса не спала, прислушивалась. И когда у палатки рядом кто-то зашевелился, откинула полог. Костя обернулся:

- Проснулась?

Она кивнула и выползла с кроссовками в руках.

- Обувайся, пойдём.

- А чай?

- Вечером заварил, самое то...

Они осторожно пробирались по тропинке, стараясь не лезть в мокрую от росы траву. Сумерки уже начинали рассеиваться.

- А Ванька?

- Он собирается, единолично. Не любит он снимать, когда вокруг толпа.

- Он говорил.

Они вышли к небольшому плато, дальше был обрыв, за ним всё в каком-то молоке. Алька осторожно огляделась.

- Костя, тут такой вид вокруг, смотри! Всё ущелье как в молоке, это туман так? Боже, как же красиво!

Костя хмыкнул, бросил пенку у плоского камня, похлопал, садясь:

- Иди, сейчас рассвет включат, всё слюнями закапаешь от восторга!

Алька засмеялась и уселась рядом с ним. Он потянулся за ней, невольно касаясь лицом её волос, скользнул губами. Она замерла, но он вытащил термос:

- На, налью, остынет немного.

Алька снова застыла с чашкой в руках, напряжённо вглядываясь в туман, огромными бело-серыми клубами шевелящийся в ущелье внизу... Светало... Небо становилось серым, тени вытягивались, редкие облачка чуть зарозовели, расплываясь в предрассветном мареве. Девушка, кажется, даже дыхание задержала. Костя осторожно обнял её одной рукой:

- Аль, ты чего? Дыши уже... Покажут тебе кино, не переживай!

Она фыркнула:

- Я, наверное, как глупая дурочка выгляжу...

- Нет, просто ты в первый раз... в горах...

Всё вокруг, казалось, затягивает молочная пелена. Там, где-то за этим туманом, - ну должно же быть солнце? Что же они тогда увидят тут?

Алька с немым вопросом в глазах повернула голову к Косте, так близко, что он только и смог пробормотать:

- Жди...

В какой момент пелена вокруг стала рваться, таять, хаотично разлетаться белыми клочьями облаков, Алка не поняла... Зато у неё дыхание перехватило, когда перед ними вдруг развернулся вид на все зелёные холмы ущелья... Тени быстро уходили, уступая место оранжевому с розовым свету

восхода... И... вдруг там, впереди, показались две огромные снежные шапки, величественно венчающие вершины Эльбруса...

Алька выдохнула... Господи! Это... Это фантастика, это невероятно! Эти сбегаящие с вершин ледники... Зелёная волна холмов внизу в долине, бархатистая, расцвеченная лучами восходящего солнца... Алька чуть чашку не выронила, забыв обо всём...

Он показался-то им всего на какие-то десять минут, потом снова полетели огромные облака, закрывая седовласого великана, но показался же! Алька в немом восторге повернулась к Воронову, сжимая его ладонь:

- Ты видел, видел?

Костя, который видел такую красоту уже который раз, усмехнулся. Алька виновато улыбнулась:

- Ой... Я опять смешная, да? Ты же уже всё это...

- Оно всё равно каждый раз как в первый...

- Наверное... Да...

- Тебе повезло, мог и не показаться.

Они молча пили чай и любовались розовеющими облаками. Альке показалось, что одно похоже на большую лохматую собаку, а Костя увидел сидящего зайца. Они смеялись, выбирали новые облака, называли свои версии... Облака плыли, медленно, неторопливо, меняли свою форму, то вытягивались, то разделялись на части, то снова слеплялись в причудливые образы... Костя махнул вправо:

- Вон, смотри, как ребёнок, как эмбрион...

Алька повернула голову: облако и правда приняло форму эмбриона, лежащего в утробе матери... Она попыталась проморгаться, но снова и снова видела там, в небе, свой снимок УЗИ, который Олег разорвал и выбросил в унитаз. К горлу подкатило тошнотное состояние, сдавливая холодными пальцами воспоминаний её расслабленный мозг...

Алька сглотнула, потом поставила чашку, толком не видя, как и куда, и быстро встала, зашагав в сторону лагеря.

- Аль, - крикнул Воронов, - Аля, что ты?

Она не слышала, она бежала сама от себя... Она хотела забыть, а оно не забылось, оно тут, всё равно тут... Не делось никуда, не изменилось ничего...

Глава 30

Костя молчал, доедая свой завтрак. Рядом сидела расстроенная Дашка, Ванька в палатке разбирал фотоаппарат.

Аля была в палатке девчонок. Дашка отнесла ей туда завтрак, сильно сомневаясь, что та поест. На вопрос Кости, что случилось, она пробормотала что-то невнятное, села, нахохлившись, и тоже ела.

А он и не понял... Только вот они сидели и смеялись над облаками и... Что случилось-то... Почему она сорвалась и убежала? И лежит теперь в палатке, отказалась идти в радиалку, раз они сегодня стоят лагерем тут.

Дашка убрала за собой и уселась с блокнотом, чёркая что-то, рисуя непонятные значки и фигурки. Снова писала, окидывая иногда взглядом поляну и лагерь.

Алька сидела в палатке, тупо разглядывая пустую страницу в блокноте. Ей было стыдно уже за минутную слабость, но ничего с собой поделаться она не могла... Там это оказалось настолько сильным триггером, что она бы просто разревелась... Опять? Опять бесить и раздражать кого-то своими слезами?..

Она посмотрела на остывший завтрак, медленно затолкала всё в себя, понимая, что поесть надо. Потом долго разбирала свои записи, вычеркивала ненужное, что-то дописывала на полях. Отвлекалась.

После полудня в палатку заглянула Дашка:

- Аль, ты как?

- Нормально.

- Ты сильно расстроилась?

Алька Дашке сказала, почему прибежала чуть не в слезах, та-то в курсе была.

- Я, наверное, не ожидала этого, Даш... Совсем. Не надо было, конечно, но я просто...

- Я понимаю... Полежи, может заснёшь?

- Записи хочу разобрать, раз мы не идём никуда.

Дашка нерешительно помолчала:

- Он там... переживает, что виноват в чём-то... Только он же не знает, да, Аль?

- Да нет, конечно. Откуда? Это вы все в курсе.

- Скажу ему, что всё хорошо, да? Что ты спишь?

- Скажи, Даш, я совсем не хочу сейчас лезть снова во всё это и препарировать свою душу.

Костя обернулся к вылезшей Дашке, но та махнула рукой:

- Спит она, Костя. Не хочет она говорить об этом, просто поверь, что ты ни в чем не виноват.

- Да я вообще ничего не понял, Даш.

- Ну и забудь... Она сказала, что извиняется. Что ты ни при чем.

- Я не думаю, что ей надо извиняться. Ладно, ты будешь здесь, в лагере, писать статью? Схожу пока, где-то озеро рядом...

Ванька увязался за ним, прихватив фотоаппарат, хоть солнце и било прямыми лучами. До озера они шли молча. Костя переключился на свои заметки, обдумывая, как выстраивать статьи, Ванька просто шёл и свистел какую-то незамысловатую мелодию.

Проглянула синева озера, мелькнул обрывистый, усыпанный камнями берег. У воды было прохладнее. Они умылись, уселись на тёплых камнях, лениво щурясь на солнечные блики на воде. Ванька посвистел ещё немного, потом стянул футболку и улёгся в тенечке, закрыв кепкой лицо. Воронов достал свой блокнот и как-то незаметно погрузился в записи, не обращая внимания на окружение. Писалось легко и он ловил момент, пока никто не мешает. Он думал, что Ванька давно заснул, но тут раздалось ленивое:

- Слушай, Ворон... Ты бы не лез к Альке...

Костя удивлённо обернулся:

- Я!?

- А кто, я? Думаешь, не видно, как ты вокруг неё...

- Слушай, Савченко, тебе делать нечего, а? Ты, вроде, по Дашке сох...

Ванька сел, приглаживая свои вихры.

- Причём тут Дашка?

- А причём Аля?

- Аля.., - усмехнулся Ванька, - у неё муж есть, Костя. Они вместе чуть ли не со школы...

- И что?

- А то! - рассердился Савченко, - она ребёнка родить не может, убивается, по больницам валяется, на привидение похожа, а тут ты...

Воронов оторопел, потом пробормотал:

- Откуда такая осведомлённость, а? Ты что, свечку там держишь?

- Свечку? Свечку, может, и не держу, зато её оба раза в скорую ташил, когда она... ну.. это... в обморок.

Воронов поднялся и вынул сигареты. Ванька тоже встал.

- И мне дай, черт, как вспомню её...

- Значит, из-за ребёнка она... Ребёнок, - пробормотал Костя.

- Что ребёнок?

- Да ничего, не знаю.

- Костя, не лезь ты к ней, хочется, вон Светка эта, хоть сейчас... А Алька... Ирка всегда говорила, что Алька дышит этим своим Олегом.

- Ладно, Савченко, - Костя снова сел и развернул блокнот, - иди вон, снимай свои фотки.

- Я просто предупредить хотел.

- Спасибо, предупредил.

Ванька постоял ещё рядом, но, видя, что Воронов уткнулся в блокнот и пишет... или делает вид, что пишет, поднял фотоаппарат и ушёл на другую сторону озера. Костя молча чертил ровные линии в блокноте. Одну, вторую... Десятую... В голове тупо крутились слова Савченко. "Дышит им"... А

что тогда убивалась там, в коридоре... Значит, не всё так гладко... Или что?

А ему - зачем? Или он сам не замечает того, что уже видят другие?

Он ещё час мучался этими вопросами, пока не вернулся Ванька, но решил только поменьше быть рядом с Алей... Может и пройдёт. Это желание... Хотя он сам не понимает, чего от неё хочет...

А ещё... Лиза.

Глава 31

- Что это он? – пробормотала Дашка, глядя, как Костя усаживается ужинать между двумя проводниками, а не рядом с ними, рядом с Алей. Ванька отвел глаза:

- Я ему сказал.

Она целую минуту смотрела на него, потом сказала:

- Ты... тоже заметил?

- А что тут замечать? А она вон... Олег у нее и это все...

Я как-то еще не забыл, как тащил ее в скорую два раза.

- А я ей сказала, что он.., - Дашка запнулась, из их палатки выбралась Аля, завязывая волосы в хвост.

Костя бросил на нее быстрый взгляд, но потом опустил голову, ковыряя в тарелке гречку с тушенкой. Аля удивленно оглядела всех, но молча прошла и села рядом с Дашкой.

- Ты спала?

- Да, сама не заметила, как уснула. И до вечера... Темнеет вон.

- Не смотри вперед. Эта, Светка, лыбится там, дурочка.

Аля с трудом подавила желание поднять голову и посмотреть напротив. Дашка протянула ей миску:

- На, ешь. С утра же голодная.

- Я не хочу... Я чай только.

- Аль, ешь, - раздался спокойный голос Кости, - завтра долго идти будем.

Она все-таки подняла глаза и взглянула на него виновато. Он улыбнулся и снова вернулся к еде. Не сердится на нее за это ее, утреннее...

Аля молча ковырялась в еде, думая о том, что, наверное, нужно извиниться перед ним, но Костя быстро поел, потом долго разговаривал с проводниками у них в палатке, а после просто ушел к себе.

Больше она его не видела, хотя долго сидела у почти погасшего костра. Зачем-то достала телефон, в нем было еще больше половины заряда, бездумно листала фотографии... Их с Олегом. Тоска стала глухой какой-то... Будто не ее... Где он там? Ведь уже столько времени прошло. И ему все равно? Где она и что с ней? Почему? Почему так? Ее аж за-тошнило от желания обнять его, почувствовать, как он обнимает в ответ, ласково, нежно, как скажет что-нибудь хорошее, подбодрит. Но в голову лезли только те, последние, слова... Холодные и равнодушные. И, лежа уже в палатке, она еще долго не могла уснуть...

Воронов делал то же самое... Листал их с Лизой фотографии из последнего совместного похода, курил, пока Ванька не бухтел, что в палатке уже дышать нечем... Наткнулся на те, недавние фотографии, с озера... Сердито выключил телефон и лег спать.

Глава 32

Сегодня выдался жаркий день. Парило. И идти тяжелее было. А, как назло, сегодня нужно пройти самое длинное расстояние.

Костя шел замыкающим, молча наблюдал за девчонками, идущими там, впереди... И подальше от него.

У Дашки с утра разболелась голова, поэтому она шла, сжимая руку Савченко, молча, без обычных их шуточек-прибауточек. На недавнем привале он даже что-то переложил из ее рюкзака в свой, чтобы той полегче было идти.

Аля шла за ними, придерживая руками лямки рюкзака, смотрела по сторонам, иногда о чем-то переговаривалась с Артемом, проводником.

А Костя не мог выбросить из головы слова Савченко про ребенка. Как же так, а? Он не представлял себе, как это... жить вот с этим... Он и про детей-то, вообще, не задумывался, не думал, хочет ли их Лиза. Те пять лет, что они прожили вместе, и пронеслись-то, как... Они и думать-то даже не начинали... Да ему вообще казалось, что оно само как-то получится... Ну поженились, ну получилось, ну родится, вырастет... А тут...

- Костя...

Он поднял голову. Задумался и не заметил, как она отстала и оказалась около него, коснулась ладонью руки.

- Что? Устала, Аль?

- Да так... не очень.

- А что? Воды?

- Нет, я... Костя... Извини, пожалуйста, я тогда... я что-то нехорошо так себя повела...

- Аль, да я...

- Но я, на самом деле. Нужно было... Ты не сердись на меня, пожалуйста.

- Аль, да я не сержусь, чего ты...

«Тогда почему ты стал меня избегать?» - хотелось ей спросить, но она промолчала.

- Аль, все хорошо, не бери в голову. Если так получилось, значит так... я просто не понял сначала...

Он улыбнулся ей, и она тоже, облегченно, видно, что переживала.

- Я вчера столько написала, пока не уснула. Надеюсь, Ирка будет довольна.

- Кажется, вчера у всех был писательский день, Дашка тоже похвасталась, что хорошо поработала.

- И ты? – Аля сжала его руку. Костя кивнул, улыбаясь, но тут раздался голос Ивана:

- Костян, у тебя осталась вода? Пить охота, дай, а?

Воронов поднял голову и встретился взглядом с сердитым Савченко, тот поджидал его на тропе с пустой бутылкой.

- Иди, Аль, Дашку подбодри, пока совсем не расклеилась,
- Костя убрал свою руку и достал бутылку с водой, передавая

Ваньке.

- Фух, жарища, - Ванька напился и посмотрел по сторонам.

Костя кивнул:

- Облака видишь? Не нравится мне это, и Артем переживает, что хмурится все, парит.

- Да они вроде далеко.

- Не знаю, но что-то совсем сегодня...

Глава 33

Непогода разразилась внезапно. Только они разбили лагерь, сварили ужин и хотели садиться поесть, как началось...

Налетел ветер, сухой, колючий... Потемнело... Непонятно откуда набежавшие облака резко превратились в почти черные, свинцовые тучи. Громыхнуло вдали, сверкнула молния.

- Гроза будет! – крикнул Артем, вскакивая. – Надо убрать все и по палаткам, крепите тенты, скорее!

Все забегали, затаскивая внутрь палаток вещи.

- Вань, а Алька где? – крикнула Дашка, озираясь по сторонам.

Тот обернулся:

- Черт, она же вроде ушла к склону, наговорить на диктофон эти свои записи.

- Я найду ее, убирайте все! – Костя схватил кофту и быстро пошел по тропинке.

Погода ухудшалась на глазах, стало холоднее, упали первые капли. Воронов прибавил шаг:

- Аль! Аля, где ты?

На полянке у обрыва никого не было... И вдруг хлынуло, разом, словно плотину прорвало! Струи дождя заполонили все вокруг, стена воды обрушилась под раскаты грома. Костя чертыхнулся и бросился влево, к высокой скале. Но не

успел повернуть за нее, как оттуда выскочила мокрая Алька, врезавшись в его грудь.

- Ох! – выдохнула она, хватаясь за него руками, и он машинально обнял ее, прижимая к себе худенькое тело. Раскат грома бухнул совсем рядом, эхо усилило его, грохоча в ущелье. Алька взвизгнула и вжалась лицом ему в футболку, дрожа от страха.

- Аль, не бойся...

Алька вдруг подняла вверх испуганные до безумия глаза и... Костя так и не мог потом объяснить, зачем он сделал это... Его словно толкнуло к ней. Он сжал в ладони мокрые волосы и опустил лицо, целуя ее губы...

Их бросило друг к другу... Вспышка... Необъяснимая... жгучая...

Ее руки на его шее, тянут к себе...

Поцелуй... Выдох... Губы... Скользят по ее щеке к виску...

- Костя, - хриплый, торопливый вздох, - Костя...

Ему сорвало крышу от этого ее шепота... Он уже не осознавал, что он делает, где он, рука скользнула под футболку... горячее тело... и поцелуи... безумные...ошеломляющие... Показалось вдруг, что они снова с женой...

- Лиз... Лизка, родная, - прошептал он, целуя ее шею...

Алька вздрогнула : что? Что?

- Пусти, Костя, пусти меня...

Она оттолкнула его, отступая назад, а он, ничего не сообщ-

ражая, словно очнулся:

- Аля?

Алька всхлипнула, рванулась в сторону, дождь хлестал, заливая все вокруг...

- Стой! Куда ты!

- Пусти, пусти! – выдиралась она.

- Да стой же ты! Там обрыв!

Он потянул ее к себе, толкая на тропинку к лагерю, с ужасом понимая, что только что назвал ее именем жены... и поцеловал, черт возьми!

- Аля! – он хотел снова прижать ее к себе, - Аля, постой!

- Нет, нет. Не надо, пусти!

Рядом снова прокатился раскат грома и Костя сжал ее ладонь, потащил за собой в лагерь. С трудом разглядел в потоках дождя, где их палатки, втолкнул дрожащую девушку, откинув полог. Дашка метнулась:

- Господи, что за жуть там?

- Закройтесь и сидите, пройдет гроза!

- Страшно!

Костя опустил полог – дождем уже заливало палатку, и бросился в соседнюю, ввалился, весь мокрый, с трудом стянул с себя мокрую футболку и штаны. Ванька уже плотно застегивал полог. Они влезли в спальники, переглянувшись в свете фонарика.

- Надеюсь, они там не наделают глупостей от страха, - пробормотал Ванька.

- Думаю, нет, гроза быстро уйдет, - Костя выключил фонарик и вытянулся в спальнике. Господи! Зато наделал глупостей он! Какого черта он поцеловал ее? Какого черта он решил, что это Лизка? Зачем он назвал ее именем жены? Какого черта он все это наворотил?

Глава 34

Непогода бушевала всю ночь.

Алька и Дашка сидели в своих спальниках, обнявшись, тряслись от каждого раската грома, зажимаясь от страха...

- Гос-с-поди... Капец, что там творится! – Дашка заткнула уши после того, как гроыхнуло почти над ними... Или так показалось?

- Даш, у тебя есть вода?

- Да фиг его знает...

При свете фонарика они с трудом разыскали бутылку с остатками воды, миски с размокшей кашей и несколько сухарей. Съели это, есть хотелось жутко, усталось валила с ног, а они сидели и тряслись от страха.

Наконец, уставшая Дашка пробормотала:

- Аль, давай ляжем что ли... Я еле сижу уже, валюсь просто...

Та кивнула и они легли рядом. Гром уже отдалялся, но дождь лил как из ведра. Дашка вырубилась почти сразу, она итак измучилась головной болью, а тут еще эта гроза...

Аля же лежала, старательно пыталась заснуть и не думать... А в голову все равно лезло... Зачем они целовались так? Зачем? Она даже понять не успела, как ее толкнуло к нему, и хотела этого, хотела, Господи! Очнулась только, ко-

гда он назвал ее чужим именем... чужим! Да это бред какой-то... Почему?

А она сама? Что она творит, она замужем! Что она делает?

Она лежала и с ужасом понимала, что забыла обо всем - и о том, что она замужем, и о том, что Олег, вообще-то продолжает быть ее мужем и она, вроде бы, любит его... Был только он в тот момент, Костя! Этот поцелуй словно сорвал пелену... она будто прозрела, поняла, что не просто так думала о нем... Господи, она что? Влюбилась? Нет... нет, бред...

А он назвал ее какой-то Лизой? Что за бред-то, а? Н-нет... Нет, это же ужас какой-то... И она не должна была... Чем она лучше Олега? Ох, зачем все это случилось, зачем? И им еще идти два дня... Рядом... Как на него смотреть-то...

Глава 35

Под утро гроза ушла, оставив после себя одуряющий запах озона, мокрые палатки, лужи, склоны, превратившиеся в потоки грязи...

Люди, измученные бессонной ночью, отсыпались до обеда. Дождь продолжал моросить, не переставая, шелестел в листьях, барабанил каплями по тентам... Бесконечный, серый, растянувшийся над лагерем пеленой мороси и клочковатого тумана...

Артем и Башир, второй проводник, ходили по лагерю, устраняя последствия непогоды. На месте костровища стояла огромная лужа. На небольшой горелке грели воду, по очереди наливая озябшим туристам горячий чай в прикуску с сухим пайком. Из палаток-то и выходить не хотелось, зачем мокнуть еще больше...

Приняли решение остаться лагерем до утра, подождать... Туристы играли в карты, в походные шашки, просто разговаривали.

У Костиной группы хватало работы. Ванька уткнулся в свой фотоаппарат, остальные разбирали заметки, черновики, ведь скоро уже выйдут в поселок, а там можно будет отправить Ирке и Стасу первые статьи.

К вечеру дождь снова усилился, бесконечный, монотонный... Артем качал головой, говоря, что это как-то нетипич-

но, гроза должна была уйти совсем... Но... Оно снова сверкало, громыхало, где-то вдали перекатывалось глухими раскатами по ущелью. Дашка заныла, что умрет от страха еще одну такую ночь, упросила поменяться и, повеселев, ускакала к Ваньке, в палатку мужчин.

Костя бросил свой спальник у девчонок, покосился на молчавшую Альку. В свете фонарика та сидела, нахохлившись, словно маленький, встрепанный воробей, куталась во флиску и сжимала в ладонях кружку с кипятком.

Воронов повозился, устраиваясь, попробовал отвлечься на свой блокнот и записи, но взгляд все равно утыкался в молчащую девушку, ему до жути хотелось обнять ее, извиниться, он не знал, как загладить эту свою вчерашнюю оплошность... Он даже не знал толком, чего хочет сейчас... В конце концов он вздохнул, протянул руку, коснувшись худенького плеча:

- Аль... Аля...

Девушка отдернула руку:

- Не надо, Костя.

Он оперся рукой в пол палатки:

- Аль... извини, пожалуйста, я сам не знаю, как...

Она подняла глаза:

- Зачем ты это сделал, Костя? Ну зачем?

- Да я сам не знаю, как это получилось! Аля, послушай,

- он снова протянул ладонь. Алька отпрянула, сжала колени руками.

- Нет, не надо, не трогай...

Костя вздохнул и отодвинулся, лег, сунув кофту под голову. Какая тут, к черту, писанина, ничего в голову не лезет, кроме этого... поцелуя...

Алька посидела еще, разглядывая блокнот, потом захлопнула. Видимо, тоже нет вдохновения... Выключила фонарик, легла. Из соседней палатки доносился веселый Дашкин смех и невнятный голос Ваньки. Хорошо им там... нашли, наконец, как оказаться вместе...

Какое-то время и Алька, и Воронов лежали молча, слушая дыхание друг друга. Потом раздался тихий Алькин голос:

- Кто она... эта Лиза?

Воронов замер, не дыша, потом виновато вздохнул:

- Моя жена.

Алька помолчала, переваривая услышанное.

- Ты женат, Костя?

Воронов уныло хмыкнул, потом протянул руку и щелкнул кнопкой фонарика: сбоку на него смотрели блестящие Алькины глаза. Он покусал губы, потом все же нехотя сказал:

- Она умерла... пять лет назад, Аля.

Та испуганно прикрыла ладонью рот. Помолчала, пробормотала:

- А... а...

- Рак, - коротко ответил Костя и уставился в потолок. Алька протянула тонкую руку и коснулась его ладони, лежавшей поверх спальника.

- Мне... Мне очень жаль, Костя, это так...

Они снова помолчали, потом Воронов с удивлением почувствовал, что может поговорить о том, что съедало его изнутри все эти годы:

- Я никогда не поверил бы, Аля, если бы своими собственными глазами не видел, что делает болезнь с человеком... родным человеком... А потом ты стоишь, смотришь, как на ее гроб падают комья земли, и понимаешь, что вот он был человек, которого ты любил больше жизни, а теперь его нет, нет, понимаешь?

- Я ... я понимаю, Костя... Я знаю, как это...

Голос ее прервался. Воронов взглянул на нее:

- У тебя кто-то...

Она закрыла на секунду глаза:

- Я думаю, кому-то может показаться глупым... ну, как же, ведь человека вроде и нет... Но, я, знаешь, очень слабый человек, Костя... Когда мне сказали, что моего ребенка больше нет... Ребенка... Да я и была-то... два месяца всего, а потом раз и все... Я думала, умру, Костя... Он снился мне, каждую ночь снился, такой беззащитный, маленький, а я никак не могла взять его на руки, понимаешь...

- Аля, - Воронов аж испугался, столько боли было в ее словах.

Аля закусила губу.

- Да я... Мне нужен был кто-то, рассказать, говорить, бесконечно говорить, чтобы справиться с этим. А все как-то бы-

ли... своей жизнью жили, обычной такой... Не рядом, не со мной. И я понимала ведь, что так нельзя... А все равно плакала, боялась, хотела, с ума сходила... Одна...

Она помолчала, продолжая сжимать его ладонь.

- А потом ... это случилось и во второй раз... Второй, понимаешь? Я ненавидела себя, искала причины, ревела без конца... Жить не хотелось... Мне нужно было, чтобы родной человек был со мной, сказал бы, что мы вместе, что все получится, что справимся, сможем, что я...

Она вдруг закрыла глаза, пытаясь справиться, снова переживая все заново. Костя молчал, не зная, что сказать... Эта боль грызла ее изнутри. Аля лежала, вздыхая глубоко, отрывисто, потом тихо сказала:

- Расскажи про нее, Костя.

Воронов устало потер щетину:

- Она... Спортсменкой была, плавание, на сплавах пропадала... Мы и познакомились там, на сплаве в группе. Я тогда не у Стаса был, для спортивного журнала писал... Нам по 24 было... Она была... Я не знаю, у нее все получалось...

Он вдруг хмыкнул:

- А когда я ее поцеловал перед отъездом с базы... сказала, что я нихрена не умею целоваться... И мы улетели в свои города... Я маялся чего-то... Потом она написала, позвала в очередной сплав, там уже призналась, что тоже думала о нас, обо мне... Шутила, что научит... Мы поженились после этого сплава. Мне кажется сейчас, что мы даже не замети-

ли этих пяти лет, что вместе прожили. А потом... она простыла, осложнения какие-то были... Обмороки... И выяснилось, что у нее... Она за год сгорела, Аля... Понимаешь? Высокая, красивая, загорелая молодая женщина превратилась в тень... Нечего было на руки поднять...

Воронов повернул голову и они долго смотрели друг на друга, лежа в тусклом свете фонарика. Алька протянула руку и коснулась пальцами его щеки.

- Ты до сих пор любишь ее...

Он прижал к губам ее ладонь.

- Люблю. Разве можно разлюбить человека только потому, что он... если его нет на этой Земле... Но ее нет, уже столько лет, а я... здесь... слишком живой... Аля, я и сам не знаю...

Она качнула головой:

- Не надо, Костя... Я сама сейчас ничего в своей жизни не понимаю...

Она устало закрыла глаза... Маленькая... Хрупкая...

Костя молча поцеловал ее пальцы и выключил фонарик.

Глава 36

Вниз, в поселок, конечную точку маршрута, откуда их должны были забрать УАЗики, они спускались целый день. В два раза дольше, чем если бы шли в обычном темпе и в хорошую погоду.

Но погода не улучшалась, дождь по-прежнему моросил, все было сырое, промозглое... Они с трудом свернули лагерь, упаковали рюкзаки... Все под дождем.

Шли медленно, один за другим, закутанные в дождевики, а одежда-то все равно сырая. Артем и Башир периодически уходили вперед, проверяли тропы... два раза приходилось немного менять направление, идти в обход из-за оползней. Ботинки стали тяжелыми от налипавшей грязи, скользили по мокрым камням, дождевик мешал нормально двигаться, рюкзак оттягивал плечи...

Алька смотрела сквозь туманную пелену дождя на их молчаливую группу и думала, как же быстро переменилась погода. Но, как ни странно, ей и так нравилось. Этот особенный запах дождя, мокрого луга, земли... Шум ветра... Даже гроза... стихия...

Она даже умудрилась записать очередную часть для подкаста, пока собирали лагерь. Просто рассказывала о непогоде, о стихии, о грозе...

Шли они без привалов, куда тут, под бесконечным до-

ждем, да и всем хотелось уже дойти, наконец. К вечеру они достигли отвесной скалы, с которой как на ладони развернулся вид на небольшой поселок, где мигали малочисленные огоньки, доносился лай собак... А дождь снова усилился.

Артем поднял руку, подзывая всех к себе:

- Народ, сейчас будем спускаться, поселок совсем рядом, где-то через час-полтора будем внизу.

- А быстрее никак? Тут, напрямую? – спросила недовольно Света.

- С горы покатишься?

Раздались смешки.

- Просто спросила, ничего смешного... Что тут, нет тропы что ли?

- Давайте без самодеятельности. Башир вперед идет, предупредить, что мы здесь, а мы с вами осторожно спускаемся, немного в обход, потому что короткую дорогу размыло. Друг за другом, я с Костей на связи по рации, спускаетесь только, когда дам отмашку, и так – каждому.

Это заняло уйму времени. Ждали, спускались, снова ждали остальных. Потом долго шли, пробираясь через огромный луг в низине ущелья. В траве выше головы, мокрой и холодной. Дождь снова хлынул стеной, когда они добрались до первого домика на окраине поселка.

Всех распределили в три домика. Их группе достался тот, самый крайний. Полутемный, три комнаты, в одной хозяева, две другие для таких вот туристов. Там еще была печь.

Аля мельком слышала невнятные голоса, шепот. Но потом вышла невысокая женщина в штормовке, обула резиновые сапоги:

- Тут, тут, в сенях скидывайте все, идемте, баньку затопила, рядом тут совсем.

- Аля, Даша, идите, - махнул рукой Костя, - мы с Ванькой пока до проводников сходим.

Девчонки, не торгуясь, побежали за женщиной. Та завела их в приземистую баньку, пахнущую деревом, паром, вениками.

- Давайте, девоньки, раздевайтесь, ваши одежки тут развесим, неча их в дом таскать, вот, халаты теплые, чистые, и хорошо будет. Намоетесь и ужинать приходите, оголодали, небось, за целый день.

Они закивали, потом мылись, балдея в горячей воде, замотали полотенцами мокрые волосы, со смехом завернулись в большие теплые халаты.

- Блин, Алька, здорово-то как! Я думала, ныть там буду из-за этой непогоды, как Светка, а это прямо приключение целое, - Дашка довольно сунула ноги в теплых носках в широкие чуни и они обе потопали в дом.

Та же женщина, назвавшаяся Раисой, повела их в чистенькую комнатку-кухню, усадила за стол, ставя им горячий плов, овощи, чай, хлеб, нарезанный большими ломтями.

- Ну, налетайте, ешьте, а мужики ваши пока в баньку пойдут.

Девчонки с удовольствием накиннулись на еду, а непогода за окном все усиливалась... Дождь лил вовсю, где-то хлопал на крыше кусок толя, ветер трепал деревья...

- Хорошо, что мы уже не в палатках, да, Аль? – Дашка блаженно вытянулась на кровати. – Хотя... Мы с Ванькой...

Раздался стук в дверь, заглянул Костя.

- Ну, как вы?

- Спим уже одним глазом!

- Хорошо... Вовремя мы успели спуститься, там жуть какая-то на улице, ураган, - Костя провел рукой по мокрым волосам, - ладно, спите, завтра дождемся машин и вернемся в начальный лагерь, итак уже там ждут нас.

Обе девушки отключились мгновенно, Алька, засыпая, выхватила краем сознания детский плач, быстрый шепот и разговор снова за стеной. И уплыла в объятия сна. Ей снился дождь, мокрые склоны, маленькая рука, крепко сжимающая ее ладонь, разговоры, разговоры, разговоры, которых она не запоминала...

Глава 37

Алька проснулась, когда на часах уже было десять. Дашка еще дрыхла, завернувшись в шерстяное одеяло. Аля спустила ноги, обувая теплые пушистые тапки, и вышла из комнаты, притворив дверь. Быстро сходила в туалет, умылась, заглянула в приоткрытую дверь второй комнаты – мужчин не было. Она покрутилась неуверенно и вошла в ту кухоньку, где они вчера ужинали.

На лавке за столом сидела, кутаясь в большой черный платок, болезненного вида худая женщина, чуть старше ее матери, и совсем маленький мальчик. Года три-четыре, не больше. Он поднял голову, блеснул карими глазками и неуверенно посмотрел на женщину рядом с ним:

- Тетя там.

Женщина кивнула, потрепала его по темным волосикам:

- Тетя, тетя. Ешь, Ванечка.

Тот еще раз стрельнул глазками в Алькину сторону, смутился, видя, что она улыбается, и уткнулся в тарелку с кашей. Женщина как-то тяжело повернулась:- Проснулась, дочка? Будешь кушать? Садись, положи себе сама, пожалуйста, вон, в кастрюльке каша завернута, горячая, и маслице в холодильнике возьми. Да бутерброды там тоже. Сейчас поднимусь, чайник поставлю.

- Да вы сидите, сидите, я сама, - Алька видела, что та с

трудом поворачивается, не то что встать...

Она села с тарелкой каши напротив мальчонки. Он быстро метнул на нее любопытный взгляд и снова уткнулся в тарелку.

- Я – Аля, - улыбнулась девушка и протянула ему ладонь. Он покосился на женщину, та кивнула и тогда он тоже протянул худенькую ручку, изо всех сил стараясь придерживать серьезного взрослого вида:

- А я Иван Федоров.

- Ты такой серьезный, Иван, - рассмеялась Алька. Тот вдруг улыбнулся милыми ямочками на щечках и закричал:

- Ба меня Ванькой-встанькой зовет, я...

- Тихо-тихо, Ванечка, спят еще...

Он испуганно притих, потом не выдержал:

- А тебе сколько? Мне четыре.

Алька хмыкнула:

- Двадцать восемь.

- У-у-у, ты ста... большая совсем...

Женщина снова погладила его по головке:

- Аля, вы не против? Он дотошный, замучает вопросами, да поговорить-то тут не с кем особо. Так он ко всем туристам...

- Да нет, отчего же... хороший он такой...

Ванечка вскочил:

- Ба, поел я, можно рисовать?

- Иди, только в нашей комнате сиди, не шуми.

Тот исчез, а женщина тяжело вздохнула:

- Ох... сирота он... сиротинушка...

Алька испуганно подняла глаза:

- У него нет?..

- Нет, нету, я только у него и осталась, единственная из родственников. Отец, альпинист, в горах погиб, два годика Ванечке было, через год только тело нашли и достать смогли. А дочка моя...

Она всхлипнула. Аля протянула руку и участливо сжала сухую ладонь. Женщина проговорила сквозь слезы:

- Не выдержала без него, повесилась после похорон... Ох горе-то горе, а ребятенка бросила...

- Как же вы...

- Да вот так и мыкаемся год уже, - женщина тяжело вздохнула, - я на инвалидности давно, сердце, два инсульта уж перенесла, и ходить-то толком не могу. Спасибо Раисе, помогает, и Ванечку пока отстояла, да только помру я и заберут его все равно в детский дом. Никого больше нету, отец-то его сам детдомовский был, сирота. А Раиса там работает, сюда приезжает, она родом отсюда, из поселка-то... Помогает, а что делать, не знаем с ней, заберут ведь его туда...

В комнату вошел мальчонка, волоча за собой большой альбом и ящик со старыми красками.

- Ба, можно я тете покажу? Она хорошая.

Женщина обеспокоенно взглянула на Алю, но та похлопала рядом с собой:

- Садись со мной, я очень рисунки люблю. А ты хорошо рисуешь?

Мальчишка влез на лавку, стоя на коленках, и развернул альбом:

- Вот, смотри, это машина, а это речка тут у нас, а это дяденьки-пограничники...

Он увлеченно показывал свои рисунки, рассказывал какие-то истории про своих персонажей, сам не заметил, как влез к Альке на колени и обнял руками за шею.

- Ванечка, пойди к нам, тетя устала, ей отдохнуть нужно, куда ты залез?

Аля быстро проговорила:

- Нет, нет, я выпалась, а он так рассказывает...

Она обнимала худенькое тельце мальчишки, ощущая чистый детский запах, особенный такой, как пахнут маленькие дети. Ручки крепко обнимали ее за шею, а он шептал ей в ухо, смеялся, переворачивал страницы. Она сидела, чуть дыша, охваченная тем самым материнским чувством, которое пока так и не смогла испытать...

В кухню выползла сонная Дашка:

- О! Что это за боец такой?

- Ба! Еще тетя! А дяди рано ушли и нету.

- Даш, поешь вон, сама, - Аля кивнула на холодильник.

- А наши где? - Дашка отломил кусок хлеба.

- Я не знаю, не было их, когда я встала.

- Рано они поднялись да уж давно у старосты в доме, там,

где проводники ваши. Случилось там что-то, я-то не выхожу на улицу, но бушевало ночью страшно...

Глава 38

Все прояснилось через полчаса, когда в сенях затопали, послышались голоса и в кухню вошли Савченко и Воронов. С такими лицами, что Дашка аж привстала, Аля держала на руках мальчишку, но тоже испуганно взглянула.

- Вы чего? – спросили они одновременно.

- Хе, - Ванька огляделся и почесал затылок, - Да мы тут, похоже, застряли.

- В смысле, Ваня? – Алька изумленно посмотрела на парня.

- Ба, он тоже Ваня, - пацаненок восторженно смотрел на рыжего великана. Тот хмыкнул:

- Пойдешь ко мне, пацан?

- Ба, можно к дяде?

Ванька подбросил под потолок захохотавшего пацаненка, а Костя прошел к столу и сел:

- Короче, там до сих пор льет, в горах сошел сель, в трех местах дороги подмыло, на одной обвал. Ни отсюда, ни к нам не добраться. Связь еле работает пока. Я только от старосты смог до Стаса дозвониться. Пока неясно, но, похоже, это на несколько дней.

- А... а как же мы будем, Костя?

- Тут будем, Аль, - Костя повернулся к женщине, - Ирина Петровна, вы не против? Мы постараемся не шуметь, совсем

безвыходная ситуация, мы все оплатим.

Та замахала руками:

- Да шуметь тут только этот хулиган будет, еще замучает вас своими вопросами. Оставайтесь, конечно, что ж, бывает такое, природа есть природа. Расчистят, восстановят дороги...

- Значит, договорились. Аля, Даш, разбирайте за эти дни все свои записи, готовьте, что можно, по максимуму. Ваньке сложнее, его ноутбук-то в том лагере... так что...

- Ба, они с нами жить будут, ура!

Все заулыбались.

Еще шесть дней они отсиживались в небольшом домишке, работали, играли с Ванечкой, ждали... Непогода так и не давала устранить последствия природной стихии.

А Аля... Она и не особо-то хотела... Она – балдела... балдела от того, что рядом этот мальчишечка. Он очаровал ее, не давал ей покоя, она с ним играла, рисовала, укладывала спать, пела какие-то незамысловатые песенки из мультиков, которые помнила...

Ему особенно нравилось про Умку. И он заставлял ее повторять снова и снова, пока не засыпал в своей кроватке, в комнатке за печкой. Аля чувствовала, что с каждым днем все больше привязывается к нему, не представляла, как уезжать... Боялась, что утром услышит, что дороги восстановлены и им пора выдвигаться.

И Ванечка выделял ее из всех. Утром бежал к ней на руки,

показывал новые рисунки, просил почитать те немудреные детские книжки, что приносила Раиса, терпеливо ждал, когда Аля закончит работу. Костя с удивлением смотрел на девушку, понимая, что всю свою нерастраченную материнскую любовь к нерожденным малышам она переносит сейчас на этого мальчонку-сироту.

На пятый день Аля не выдержала. Отвела Раису в их с Дашкой комнату и долго мучилась, не зная, как спросить:

- Раиса, скажите, а как усыновляют детей?

Та удивленно на нее взглянула:

- Аля, ты чего?

Аля заторопилась:

- Раиса, я... он такой хороший, а я... у меня... Я понимаю, что Ирина Петровна, но вдруг... Ох, я не знаю, как это...

- Ты хочешь усыновить Ваньку, если с Иррой что-то случится? – догадалась Раиса.

Алька виновато кивнула. Раиса покачала головой:

- Дочка, там столько всего...

Они проговорили больше трех часов, об Але, о Ваньке, о том, что не так-то просто это... усыновление. Потом Раиса долго молчала, глядя то в окно, то на девушку:

- Аля... ты же понимаешь, это не игрушка. Да, он маленький, он мать-то толком не помнит. Но... это ребенок... Это сейчас он хороший, а может болеть, капризничать, кричать, плакать, вредничать...

Аля сжала руки:

- Я знаю, но я... я словно не просто так здесь оказалась, я хочу, понимаете, если это возможно, стать ему мамой, хочу делать для него все то, что делают для своих родных детей, просто вот чувствую, что он для меня тот самый...

- А если получится самой родить? Вдруг пожалеешь, что взяла его?

Аля долго собиралась с духом, потом все же сказала:

- Мне... муж изменил... из-за всех этих моих переживаний... Он и сейчас... я даже не знаю где он, с кем... И я боюсь, что ничего уже не будет с ним...

Раиса сочувственно посмотрела на беднягу:

- Ты не подавала на развод?

- Нет, я и не думала... то есть, думала, что это случайность, что он вернется...

- Аля, - покачала головой женщина, - От него ведь согласие потребуют, раз вы в браке... Я, со своей стороны, постараюсь все узнать, какие есть варианты, если ты уже решила. Да и Ира... как единственный родственник и опекун его сейчас, напишет, чтобы тебя в случае чего опекуном назначили. Да только ты-то в Москве, а они здесь... Я даже не представляю... так можно было бы за Ирой уход оформить, пока что это на мне, она ведь инвалид с детства, врожденный порок у нее. Да и сейчас, видишь, какая она. Нельзя, конечно, так говорить, да ведь в любой момент может... Уже два инсульта было, теперь вон еле передвигается, не ходит никуда.

- Раиса, миленькая, узнайте все, пожалуйста! Я со своей

стороны все там сделаю, может быть их туда забрать, не знаю, как с жильем, но ведь можно же придумать, снимать пока... Я сразу прилечу, только помогите, я ведь ничего об этом не знаю, как правильно...

- Ох, дочка, узнаю все, ты давай не торопись, вернешься – решай там с мужем-то все... Негоже, если в семье разлад, сядь, поговори с ним, решай, как жизнь-то будет дальше, не девочка ведь уже. Я за Иру с Ванечкой очень переживаю, на-смотрелась на работе за тридцать лет и как деток забирают, и как оно в детских домах...

- Я обещаю, я клянусь, что только добра ему желаю, я не знаю, как объяснить...

- Да вижу я, что зацепил он тебя, сама не своя эти дни. И он от тебя не отлипает, прямо, действительно, как свели вас тут... Ладно, как дороги откроют, я в Нальчик домой поеду, там все узнавать буду, а и с Москвой свяжемся, посмотрим. Оставь свой телефон, будем думать. Только смотри, дома со всем разбирайся и потом сюда прилетишь, окончательно решать.

- Я не передумаю!

Раиса погладила девушку по плечу:

- Дай Бог, дочка, ладно, не переживай, все хорошо будет, если суждено, а мы поможем...

Глава 39

На обочине дороги, рядом с домиком на краю посёлка, громко урчал старый ПАЗ, который прислали за всей их застрявшей тут толпой. Народ уже разместился в автобусе, а Аля всё сидела в кухоньке приютившего их на неделю непогоды домика и не могла выпустить из рук Ванечку. Тот тоже льнул к ней, шмыгал носом:

- Аля, а ты приедешь ещё? Я скучать буду, ты хорошая...

Аля старалась не зареветь, говорила, что обязательно прилетит, только вот нужно поработать...

Они долго проговорили вчера с Раисой и Ириной Петровной, решали, как держать связь, как подумать над оформлением документов, что вообще понадобится... Ирина Петровна благодарила девушку, - она ей очень понравилась, - звала приезжать, как только сможет, плакала, вспоминая дочь... Наконец, вошёл Костя:

- Аль, ждут все, едем?

- Я иду, иду, извини, Костя, я сейчас...

Он поднял её рюкзак, Аля торопливо обняла всех, прощаясь, Раиса обещала позвонить из Нальчика, как только что-то узнает. Ещё раз погладить по головке мальчишку - и Аля быстро выбежала к автобусу.

По пути все разглядывали последствия непогоды, наспех восстановленную дорогу в месте обвала, радовались, что для

них всё обошлось...

Завтра они уже едут в аэропорт, второй встречи с альпинистами не будет, конечно, время потеряно... Домой... Завтра они улетят домой...

Глава 40

Спасибо, Костя, - Аля вышла из такси, а Костя помог ей с рюкзаком и сумкой. Она осмотрелась:

- Господи, такое всё! И не верится, что почти месяц назад отсюда уезжали, да?

Костя улыбнулся:

- Ты довольна, Аля?

Она взглянула на него и рассмеялась:

- Очень, я даже не могу объяснить...

Он вдруг шагнул к ней, беря за руки:

- Аля... Прости, если я что-то не так сделал... Я хотел бы...

Позволь просто быть рядом, я не знаю пока, не могу сам себя понять... Тяжело это всё как-то...

Она сжала его ладони:

- Костя. Я понимаю, я и сама... Ничего не знаю, но я же замужем, Костя... И столько всего навалилось, я не могу... Давай пока... Я боюсь, Костя...

- Нам обоим нужно время...

- Да... Да, ты прав... Я хочу немного разобраться со всем этим, что в моей жизни...

- Отдыхай, Аль, завтра Стас будет бушевать, готовься!

Они рассмеялись.

Костя осторожно коснулся губами её щеки:

- До завтра.

- До завтра, Костя.

Он смотрел, как она заходит в подъезд, потом вернулся в такси, назвал свой адрес... Домой... Домой...

Дома он, кажется, впервые ощутил, что нет этой всегдашней тоски, безвыходности одиночества... Снова долго сидел с фотографией жены... Ох, Лиза... Прости меня... Я сам ещё пока не понимаю до конца, что чувствую к этой девушке... Я не предаю тебя, Лиза... Я просто живой, понимаешь?

Глава 41

Аля устало смотрела, как мигают кнопки этажей... Третий... Пятый... Восьмой... У двери в квартиру она долго искала ключи, держа в руках тяжёлый рюкзак. Дверь почему-то не открывалась... Она ещё раз вставила ключ, не понимая, но тут повернулась ручка и дверь распахнулась: на пороге стоял Олег, в своих домашних штанах и футболке, такой... обычный, родной...

Аля растерянно улыбнулась и пробормотала:

- Ты вернулся, Олег? Я...

Голубые глаза сузились и Олег прислонился к косяку двери:

- И где же ты шлялась эти две недели? Я еле домой попал, хорошо, запасной ключ у меня остался в портфеле.

- Я не... шлялась, я в командировке...

- Ну да, - хмыкнул он, разглядывая её загоревшее лицо.

Потом отступил в коридор и Аля вошла, устало опуская вещи на пол, стала снимать куртку.

- Аля, послушай, тебе нужно куда-то... Найти жильё... Я звонил тебе, не мог дозвониться.

- Там связи не было... А... А почему я должна?

Олег отвёл глаза, а из кухни вдруг появилась молоденькая блондинка в домашнем халатике. Але показалось, что всё куда-то поплыло перед глазами, она зачем-то вдела руку

обратно в рукав куртки и села на банкетку в прихожей:

- Олег.. А что... Что это...

Олег сердито отлепился от стены, девушка подошла к нему, обнимая за талию.

- Я звонил тебе, хотел поговорить, какого чёрта ты... Что у тебя с телефоном? Пришлось так переезжать, у Миланы договор на съёмной квартире истёк, смысл был продлять или снимать что-то ещё...

- Я... Я ничего не понимаю, Олег. Что это значит?

- Это значит, что это моя квартира и я имею право здесь жить! А Милана беременна и не будет скитаться по съёмным...

- Что!?

- Что слышала! Моя девушка ждёт ребёнка и я хочу жить с ней в своей квартире!

- Но... Мы женаты, Олег...

- Я подал на развод, неделю назад, всё ждал, что ты перезвонишь, ну, раз объявилась, сходим на днях, нас быстро разведут.

Але показалось, что земля куда-то уезжает из под ног. Она схватилась за край банкетки, стараясь не закрывать глаза:

- Но... Как же так, Олег? Ведь я... Я здесь живу...

- Если ты помнишь, квартира моя, и оформлена на моих родителей, так что разведемся, ищи жильё и выписывайся, не хочу лишний рот...

Олег повернулся, исчезая в комнате, а блондинка вдруг

шагнула, наклоняясь над Алей, и прошипела:

- Не истери, дура! Он мой и эту квартиру я зубами выгрызу, поняла? Вали отсюда и чтобы я тебя не видела!

В коридор вернулся Олег, таща в руках три сумки:

- Вот, все твои вещи и коробка ещё. Нам это всё нафиг не нужно. На, вот, хватит тебе снять что-то на пару месяцев, в пригороде точно, переночуешь в отеле и ищи, а на днях сходим насчёт развода. И смотри за телефоном, не дозвониться.

Аля тупо смотрела, как он сует ей в ладонь пачку пятитысячных, и не могла встать...

- Олежка, я пойду, а то кино закончится! - Милана исчезла в кухне.

Олег схватил телефон, стал тыкать в экран:

- Сейчас вызову такси, сама адрес ему уже поправишь, куда поедешь. Вещи вынесу тебе. И не вздумай реветь, всё! Я хочу уже жить своей, нормальной жизнью, понимаешь? И ребёнок родится...

Аля молча встала, глядя в его глаза:

- Это не ты, Олег... Не ты...

Тот поморщился:

- Аля, прекрати... Давай без театральщины. Всё уже давно изменилось.

Она повернулась к двери.

- Ключи оставляй. Сейчас вынесу тебе вещи вниз. Больше вроде ничего не осталось, ну или потом заберешь, если что найдём.

Как в тумане, Аля спускалась в лифте, вышла из подъезда, он составил ей на тротуаре сумки и коробку.

- Ладно, пойду я, дождёшься сама, скоро приедет уже.

Аля так и простояла, сжимая в холодных пальцах рюкзак, пока рядом не тормознуло такси:

- Девушка, вы вызывали, куда поедет-то?

- Я не знаю, - прошептала она.

- В смысле? - мужик озадаченно отступил, опуская сумку обратно.

Она спохватилась:

- Извините, нет, я... Я позвоню сейчас, можно немного подождать?

Тот пожал плечами, отошёл, закурив. Аля открыла телефон. Позвонить она могла только Ирке здесь:

- Ира... Ира, извини, что поздно, я...

- Господи, Громова, что случилось? Что с голосом?

- Ира, можно я к вам сейчас приеду? Я... Мне на день хотя бы...

Ирка помолчала:

- Ты где?

- Я у такси сейчас, он ждёт...

- Приезжай.

- Ир, у меня вещи, можешь попросить Стаса?

- Давай, езжай, выйдет.

И Стас, и Ирка с недоумением взирали, как выбирается из такси потерянная Аля, как таксист вынимает все её сумки

и коробку. Ирка шагнула, обнимая:

- Господи, что случилось? На тебе лица нет... Вы же прилетели только вот, Воронов звонил, что довёз тебя до дома.

Аля устало взглянула на Стаса:

- Нет уже дома, Ира... Он там со своей любовницей, а мне любезно сложили барахло.

Стас выругался:

- Он совсем больной, этот твой Олег? Может, надо было полицию, Аль?

Аля продолжала смотреть на него блестящими от слез глазами:

- Она ждёт ребёнка, Стас... Так что я там...

Тут они уже оба выругались, и Стас, и Ира, не сдержались.

- Черт, Аль... Ладно, пошли, нечего тут стоять. Там поговорим, Анька спит уже.

- Ир, я на одну ночь... И дай мне, пожалуйста, отгул на завтра, я хоть квартиру поищу...

- Ладно, разберёмся, Стас, бери вещи, давайте, все вместе, донесем.

Глава 42

Пока шла планерка, Костя с удивлением думал о том, почему нет Али. Спрашивать Иру он не решился, она была какая-то злая с самого утра.

Зато этими политесами не страдал Савченко, опоздав на планерку, он плюхнулся на своё место, кладя на стол ноутбук, и громко спросил:

- А Алька где? Дрыхнет что ли?

Ирка метнула на него злой взгляд:

- Дела свои решает. Есть ещё вопросы?

- Да ладно, ладно, я просто спросил! Ты чего?

Костя пробовал позвонить ей после обеда, но ему отвечали, что абонент недоступен. Ирка отказалась разговаривать, сослалась на то, что это не его дело. Он помаялся, потом подумал, что можно съездить к ней домой... Но, после долгих раздумий, решил все-таки, что это лишнее. Припрётся, а там муж... Бред...

Аля перезвонила сама, вечером.

- Костя, у меня пропущенный...

- Да, я звонил. Тебя не было сегодня.

- Мне нужно было тут... Телефон сел просто.

- У тебя всё хорошо? Голос такой...

- Всё хорошо, Костя. Я пойду, хорошо? Ещё дела надо сделать...

Он пожал плечами, отключился. Ну, хорошо так хорошо... Голос, конечно, странный, но это не его дело, наверное...

А Аля, отключив звонок, села устало посреди чужой кухни и заплакала.

Весь день она пробегала в поисках квартиры, нашла на окраине, в получасе от метро, студию в новом жилом комплексе. Слава Богу, мебель была: стол и два стула, кухня простенькая, два шкафчика висят, холодильник. В условной комнатке диван за перегородкой, тумбочка и небольшой шкаф. Телевизор ещё. Всё.

Но зато это на три месяца, с тех денег, что вчера сунул ей Олег. Хватит ей пока, добираться до работы далеко, конечно, но уже как есть... Ближе всё в разы дороже...

Она приняла душ и легла в постель, глядя на виднеющиеся в окно бесконечные ряды светящихся огнями многоэтажек. Вспомнила, как сидела вчера в кухне у Стаса и Иры, молчала, пока они ругали Олега. Чувствовала полную апатию. Её будто выключили. Вот и сейчас... Слезы текли по щекам, а она лежала и спрашивала пустоту:

- Почему так? Почему я не смогла, а она родит ему ребёнка? Почему? Что не так со мной? Что?

Сон не шёл... Она поднялась, присела к столу, попить воды... До всего тут два метра. Господи, в который раз начинает она скатываться в чёрную депрессию... Эта апатия... А ведь только вчера она вернулась посвежевшая, счастливая от впечатлений...

Аля молча потянула к себе телефон, открывая бесконечные мегабайты фотографий. Стала листать... С самого начала... Вот: аэропорт... альпинисты, природа, горы, Эльбрус... Боже мой, она там была такой... настоящей... Вот домик Ирины Петровны... Господи, Ванечка! С экрана телефона на неё смотрели доверчивые карие глазенки, он улыбался и строил рожицы... Маленький... Беззащитный...

Аля, Аля... Ты не должна опускать руки... Олега уже нет... Завтра идти насчёт развода. Их разведут и она... свободна? Не надо вспоминать, что было у них... Это уже не Олег... Это чужой человек, абсолютно чужой... Совсем не он... А вот здесь - маленький человечек, который так полюбился ей за ту неделю. И который в любой момент может остаться совершенно один в огромном мире... Как она... Но она - взрослый человек, а он - маленький ребёнок.

И ведь она обещала, она хочет. Он нужен ей, нужен! Ванька! Держись, Ванечка... Я всё сделаю, я не буду плакать, столько всего надо узнать. Нельзя впадать в отчаяние, нужно постараться... Ради тебя и ради самой себя постараться... Никто ей ничего не должен, нужно самой. Ведь она уже решилась, так? Теперь только делать.

Аля снова легла. Сон по-прежнему не шёл, но теперь она понимала, что постарается вычеркнуть из своей жизни человека, который наплевал ей в душу, и займётся тем, чтобы сбылась, наконец, мечта стать матерью.

Пусть вот так. Пусть чужой ребёнок. Пусть она одна. Она

уже любит его, он станет родным, родным сыном, нужно только постараться, чтобы всё получилось.

Глава 43

- Аль, - Ирка покрутила чашку в руках, - я не то что удивляюсь... Спасибо, что сижу!

Аля закрыла холодильник и тоже присела к столу в своей крохотной студии.

- Он не просто дурак! Замени первую букву на "М"! - продолжала бушевать Ирка. - Подсуетился же с квартирой, гад!

- Ир, - устало пробормотала Аля, - ну... это были деньги его родителей и... Он, наверное, очень любит эту... поэтому...

- А тебя уже нет? А то что ты вечно прыгала вокруг него, из рейсов его ждала? Вот так сразу что ли? Блин, я как вспомню универ и ваши... Да как так-то, а?

- А я уже и не вспоминаю! - резко сказала Аля, - всё, нет его. Я итак уже наревелась в своей жизни, ещё из-за него пару лет убиваться?

- Короче, развели вас?

- Да. Ир, только, пожалуйста, не говори никому, не хочу этих сочувствующих взглядов.

Ирка закинула ногу на ногу и пристально взглянула на подругу:

- Аль... А что у вас с Вороном?

Та отвела глаза:

- А что у нас?

Ирка усмехнулась:

- Да, наверное, ничего... Только, когда тебя нет, он спрашивает, почему ты не на работе... Я захожу, а у него на мониторе твоя фотка в горах в полный рост... и он её быстренько сворачивает...

- Ир, перестань.

- Ты знаешь, что у него жена умерла от рака?

- Да.

- О, как интересно! Смотрю, вы гораздо теснее общаетесь...

- Да нет, Ир... Это случайно выяснилось.

- А ты к нему что?

- Что?

- Да, что? Ты что?

- Ир, я что, похожа на дурочку, которую бросил и выгнал из дома муж, а она сразу побежит искать другого такого?!

Ирка улыбнулась:

- Он не такой.

- Конечно не такой! И жену свою до сих пор любит!

- Даже так?

Аля отвернулась и ушла к окну.

- Аль... Он ведь один всё это время.

- Ну и что? Ир, я не хочу... Мне этого предательства выше головы, я... Я ребёнка хочу, Ира! Мне тридцать скоро!

Ира поднялась, подошла, обнимая:

- Аль, господи, ну почему так?

Аля сгорбилась.

- Я не знаю, Ир... Не такая я какая-то... Не заслужила. Ир, послушай, я тебе кое-что расскажу сейчас, только никому, ладно? Я уже давно всё обдумываю, но каждый раз понимаю, что хочу этого всё сильнее.

Они сели на диван и Аля выложила изумленной подруге всё - про шторм, про домик в горном посёлке, про большую женщину и про малыша, к которому успело прикипеть её сердце.

- Блин, Аля... Я даже не знаю, что сказать... Но... Наверное, ты права. Если он так зацепил тебя, то нужно... Тебе надо чем-то помочь?

- Я сейчас не знаю пока, как вообще быть, видишь сама, живу на птичьих правах. Он выпишет меня и всё.

- К нам, может?

Аля покачала головой:

- Нужно брать кредит, ипотеку, своё жильё покупать, а не съёмное оплачивать, понимаешь? Ир, помоги найти хоть корректуры, по ночам буду сидеть, начинала же с этого... А сейчас любая копейка...

- Поищу варианты.

- И мне туда слетать нужно будет, я не буду отпуска брать, просто дай мне те дни, когда надо будет лететь.

- Аль, да не переживай ты из-за этого, Стас поймёт, я объясню, ну придётся ему сказать.

- Ну... ему, ладно.

- Ты давай так, работай пока над подкастами, в редакцию

приезжай, будем записывать. И делай, что надо. И у меня заначка есть, одолжу.

- Ирка, чтобы я без тебя...

- Ещё чего! Зря, что ли, дружим?

- Спасибо, - Аля обняла подругу, скрывая слезы. Она не стала рассказывать ей, что выслушала от собственной матери... Как та кричала, что дочь сама виновата, любой мужик тронется от этих бесконечных слез и нытья... Аля, в конце концов, просто отключилась и пообещала себе не звонить самой и не нервничать ещё и из-за этой "поддержки".

Она жила сейчас одним... Ванечкой...

За этот месяц они несколько раз созванивались с Раисой, обсуждали, как быть, один раз Раиса была там, в посёлке, и Аля слушала тоненький детский голосок, он рассказывал ей о каких-то жуках, о своих рисунках, звал приехать... Она скучала без него. Она вдруг обрела тот самый смысл в этом мальчике, он нужен был ей, как воздух.

Все разговоры сводились к одному: нужно оформлять уход за Ириной Петровной и забирать их в Москву. А потом собирать документы для опекунства и усыновления.

- Аля, Паша, муж мой, предложил вариант, - говорила в трубку Раиса, - мы давно хотели свой домик там, в посёлке, рядом с моими родителями, чтобы их не стеснять приездами, у них вечно толпа, а места мало... Ира соглашается, что можно её домик нам продать, а эти деньги - там, у тебя, в Москве, купите квартиру, Ваньке можно долю, тогда и опека

поймёт, что жильё у вас общее, и живете, и уход... Аль, на двушку хватит?

Аля рассмеялась:

- В центре, конечно, нет, но да, Раиса, это выход, тут, где я снимаю сейчас, спальный район, у меня студия крохотная, но здесь хорошо... Я посмотрю, что тут продают, возьму кредит, и мне начальница моя обещала помочь.

- Тогда прилетай, Аля, Ира вроде ничего, перелёт перенесёт, доведём вас всех, справимся. И оформим всё в соцзащите здесь. Ну а дальше, сама там, по усыновлению, помогу, чем смогу, связи есть...

И они договорились, что Аля сейчас решает с ипотекой, всё подготовит, и прилетит, оформлять всё там, на месте. Кто же знал, что человек предполагает, а Бог располагает...

Глава 44

Костя все выходные провёл у матери, снова накопилось дел по дому и он практически не вылезал, подправляя, ремонтируя. Мать всё ходила около него, вздыхала, приносила покушать, рассказывала, что нового в посёлке... Просто сидела, молчала. К вечеру он уже не выдержал:

- Мам, ну что ты всё вздыхаешь? Случилось что? Так говори.

- Да я так, Костик...

- Ага, вижу я.

- Костик... А та девочка, Аля... Не приедет больше? Уж больно хорошая она...

Костя чуть не подавился и схватился за стакан с квасом.

- Мам, ты чего?

- Костик, ну когда же ты... Столько лет уже один... А она такая спокойная.

- У неё муж, мама! Что ты выдумала?

Анна Григорьевна замолчала расстроено. Костя пересел к ней, обнял за плечи:

- Мам, пожалуйста, не начинай! Меня нет никогда, я в командировках мотаюсь по несколько месяцев...

Та поднесла платок к глазам:

- Да я просто... внучков хочу, Костик... Помру ведь и не увижу... Да и тебе уже...

Костя вздохнул. Опять началось.

- Мам, не могу я, понимаешь? Знаю, что нет уже Лизы давно, и не могу... Ну, перестань, не плачь...

Анна Григорьевна постаралась взять себя в руки, а на сердце-то всё равно печаль давит. Что ж так не везёт сыну-то... Встретилась бы уж какая, хорошая... Ан нет... Всё один.

А Воронов, возвращаясь в воскресенье вечером в Москву, вдруг набрал Алю.

- Костя? Что-то случилось?

- Да нет...

- Шумит что-то...

- За рулём еду, от матери.

- А... ты передавай ей привет, она хорошая такая.

Костя усмехнулся: и тут хорошая.

- Передам. Может, если захочешь, съездим в следующие выходные? Или на озеро, пока тепло ещё?

Аля помолчала:

- Я не могу, Костя, у меня дел много, нужно всё это делать.

Ну не говорить же ему, что она все ночи и все выходные сидит над корректурами, спасибо Ирке, подкидывает работу. Она и спит-то по несколько часов...

- Ты так редко появляешься в редакции.

- Я... Мне тут много надо, поэтому я дома, в основном...

- Я понимаю... Аля... Может, как-нибудь, после работы? Погуляем или в кафе? Я улечу скоро снова, Стас на Байкал

проект готовит, меня месяц не будет точно...

- Я и не знала... Ну... Я...

- Давай, когда найдешь время, заедем куда-нибудь после работы..

- Ну... Хорошо, Костя.

Глава 45

Теплый вечер... От реки веет мягкой прохладой. Чуть вдалеке шумит дорога, пятничные пробки неизменны. А Воронов с Алей - в небольшом кафе у реки, на открытой веранде...

Аля попросила не ехать никуда, поэтому они дошли пешком сюда, погуляли. Воронов с удивлением наблюдал за девушкой... Ехать отказалась, сослалась на то, что тут рядом ещё какие-то дела вечером. Есть тоже отказалась, пьёт кофе с каким-то печеньем.

Вся как-будто не здесь... Вроде разговаривает, улыбается, отвечает ему, но... Не здесь, думает постоянно о чём-то своём... Опять какая-то прозрачная, круги под глазами...

- Аль, у тебя всё хорошо?

Кивнула молча. И старательно обходит вопросы о себе, уводит в сторону разговор. О Байкале попросила рассказать... Ну... он рассказывает...

А сам... Хочет говорить совсем о другом, но не знает как. Он даже понятия не имеет, с чего начать, что он вообще хочет. И она... Ведь у нее семья. И неизвестно, что у нее там, в семье...

Вот и сидит он, мается, не имея ни малейшего представления, что сказать. Не находятся нужные слова.

А она молчит, все о своем думает...

И отвезти ее, куда ей нужно, тоже отказалась. Словно избегает?

... Через четыре дня Воронов улетел на Байкал вместе с Савченко.

Глава 46

Звонок раздался, когда Аля была в ванной. Она торопливо выбежала, заматываясь в полотенце, схватила вибрирующий телефон:

- Да? Да?

- Аля, - Раиса, голос измученный.

- Да, я. Раиса, я хотела вам завтра звонить, нашла квартиру хорошую, большую, хочу посмотреть завтра и начать ипотеку оформлять.

- Аля, оставь пока квартиру... Ты сможешь прилететь в ближайшие дни?

- Я не знаю, надо рейсы посмотреть. На работе отпрошусь. А что?..

- С Ирой плохо, прилетай, не телефонный разговор. Прилетай, Алечка, напиши когда, Паша встретит, привезёт к нам в Нальчик.

Аля испуганно отключилась, полезла смотреть рейсы, звонить Ирке. В голове всё крутилось: что там? С Ириной Петровной? В больницу попала? А где тогда Ванька?

Так и мучали её мысли... В аэропорту, в самолёте, по пути к Раисе... Хмурый Павел молчал...

Аля вошла в их небольшую квартиру, разуваясь. Из кухни показалась Раиса, вся в чёрном, голова покрыта тёмным платком. Аля непонимающе смотрела на расстроенную жен-

щину, и вдруг страшная догадка поползла, извиваясь холодной змеей в голове:

- Ирина Петровна?

Раиса вздохнула:

- Идём, чаем напою, долгий разговор.

Они сидели вдвоём, долго сидели... Чай остывал в кружках, Раиса снова подливала... И снова он стыл, пока она рассказывала.

- Ох, Аля... Чувствовала я, недолго ей оставалось... И буквально же вот, неделю назад, привезли туда нотариуса, договор, всё сделали, сделку оформили, всё уже зарегистрировано, только деньги вот у меня, наличными лежат, Ира так захотела, чтобы там, в Москве, вы сразу что-то смогли... Хотела, чтобы я с вами полетела, чтобы помочь и всё, как надо, сделать... Радостная такая была, что для Ванечки-то всё будет, что не один он, случись что...

Аля подняла глаза:

- А как это всё?..

- Да вот так... Никто и не ожидал... Четыре дня назад... Я-то здесь, на работе, в выходные туда собиралась, по дому ей помочь да вещи сложить немного, готовить, значит, сюда потихоньку... Чтобы потом в самолёт... А утром в субботу звонок: от соседки... Лежит Ира, всё уже... Видно, вечером вставала, на кухне что-то делала, и так и упала... И всё. Ванечка, хорошо, догадался, к соседям прибежал, кричал, баба упала, лежит. Они туда бросились, да поздно уже... Никто бы

и не успел доехать.

- А Ваня? - задала Аля мучивший её вопрос.

- Ох, ну, забрали его, сюда, в детдом, до выяснения пока... Мне не дадут, а там не оставят. Там он сейчас, как и боялись...

- Как же мы теперь, Раиса?

- Аля, не знаю пока, завтра пойдём с тобой в опеку, будем разговаривать. Ты знаешь, я теперь радуюсь, что сделку когда оформляли, так заставила Иру написать от себя и заверить у нотариуса, что она просит тебя опекуном назначить с последующим усыновлением. Это нам на руку, больше-то родственников у него нет. Проверять долго будут, и деньги, Аль... Придётся на него счёт открыть, проверят это всё... Так что, с квартирой пока...

Она развела руками.

- Ну, это не так страшно, сама как-то с ипотекой буду, ну, поменьше что-то... Что ж, раз не успели мы... Главное, чтобы дали усыновить...

- Алечка, - Раиса обняла девушку, - подумай ещё, хорошо подумай, тебе ведь там так тяжело, может оставить пока его тут?

- Да вы что? Он итак мне снится! А... к нему можно будет?

- Официально, не знаю... Но у меня же там все свои, за тридцать-то лет... Договорюсь, пустят ненадолго.

- Пожалуйста, Раиса! Пусть он знает, что я рядом! Я даже не представляю, как он там...

Увидеться с мальчиком удалось только на третий день... Два дня они мотались на кладбище, в посёлок, по всем инстанциям, у Али уже голова кругом шла от всей этой бюрократии... Она понимала, что это она спит и видит, чтобы стать ему матерью, а у опеки тут другой интерес - они вроде как должны защитить ребёнка от мошенников.

В детский дом с ними поехала сотрудница опеки, по своим делам и насчёт заявления Али поговорить. Других-то нет. И вряд ли кто объявится.

Аля с замиранием сердца сидела в кабинете директора, пока они все там что-то обсуждали, ходили туда-сюда, читали документы.

Наконец, привели мальчика. Худенький, зареванный, весь в соплях, он увидел Алю с порога и кинулся к ней на шею, закричал:

- Аля, баба упала, Аля...

Ей дали побыть с ним полчаса, в комнате для встреч, девушка умыла его, гладила по головке, целовала щёчки, слушала, как он по-своему, по-детски, рассказывает о том, что случилось... замирала от страха...

Когда пришло время уходить, Аля вдруг поняла, что означает выражение "от сердца отрываю"... Он бился в руках у нянечки, кричал "Мама Аля, мама Аля", вырывался, плакал...

- Вот что, милая моя, - сказала директор, поглядывая на сотрудницу опеки и Раису, - он, похоже, к вам привязан, да и

все дни напролет он сидит плачет, то о вас, то о бабушке говорит. Поймите, сейчас нам нужно проверить все документы, сделать запросы, а вам - возвращаться в Москву, обратиться в опеку, пройти Школу приёмных родителей, врачей, собрать справки... И тогда, изучив это всё, мы сможем принимать решение. До этого он будет здесь.

Она развела руками и встала, прощаясь.

У себя Раиса успокаивала девушку:

- Аля, не мучай себя, он пообвыкнется немного, лучше давай отдохни, и возвращайся, начинай делать, все, что нужно. А я тут буду подталкивать. Справимся.

Глава 47

Костя несколько раз набирал, но так и не смог дозвониться Але. Он провел эти дни, готовясь к походу со съемочными группами, знакомился, договаривался, обсуждал маршрут, Ванька готовил аппаратуру... По вечерам они ходили в гостиничный бар, ждали... когда, наконец, группа отправится.

В день перед отъездом Костя доложил Стасу, что они готовы к походу, завтра выдвигаются, пообещал сбросить первый материал, когда они вернутся обратно на базу, к нормальному интернету. И... попросил Иру на пару слов.

Ее было плохо слышно, связь тут местами совсем пропадала, и Воронов ходил по номеру в поисках хоть какой-нибудь стабильной точки приема.

- Ир, а где Аля? Можешь ей трубку передать на пару минут?

Ирка засмеялась:

- Ворон, ты не часто ли...

- Ир, у меня итак связь пропадает, - сердито ответил ей Воронов, - просто передай ей трубку.

Ира помолчала.

- Костя, так ее нет, она уехала.

- Куда? – удивился Воронов.

- Э-э-э... Я не могу сказать, она не разрешала мне расска-

зывать.

- Что за тайны, Ир?

- Это не тайны, а то, что касается только ее семьи.

- Ясно. Ладно, не хочешь, не говори. Просто передай ей, что я звонил. До нее не дозвониться.

Воронов отключился. Ее семьи? То есть, ее и мужа... Значит? Все у нее хорошо? Тогда зачем он?..

«Я в баре» - пришло сообщение от Савченко. Костя умылся, спустился вниз. Ванька сидел у стойки, разговаривал с какими-то девчонками, размахивая банкой пива. Увидел Воронова, махнул, подзывая:

- Эй, Костян! А тут тебе сюрприз!

Он засмеялся, а одна из девушек обернулась и Костя с удивлением узнал... Свету... ту самую, из похода. Она подошла, высокая, стройная, загорелая, затянутая в узкие джинсы и облегающую футболку.

- Здравствуй, Костя...

- Откуда ты? – невежливо пробормотал он, а та рассмеялась.

- По тебе соскучилась, узнала, что вы будете в этом походе, у меня есть связи, ну и прилетела. Мы завтра вместе с вами...

Воронов перевел кислый взгляд на Ваньку, но тот только хмыкнул и пожал плечами. Света скользнула рукой по запястью мужчины:

- Пойдем, Костя, мы с девчонками решили отметить начало маршрута, а тут Ваня оказался. Ну и ты! Выпьем?

Воронову очень хотелось отказаться, но это выглядело бы как-то совсем невежливо. Он сел, подошел бармен, спрашивая о заказе. Просидели они часа два. Света без умолку болтала, рассказывала, что мечтала о поездке на Байкал, а тут подвернулись знакомые со съемочной группы... Костя прямо-таки обрадовался, когда позвонил Стас, по какому-то пустяку, но Костя воспользовался моментом и ускользнул в номер, прощаясь.

С утра они с Ванькой уже сидели со своими рюкзаками, поджидая машину.

- Какого черта она здесь, Вань?

- Ну, видно же, по тебе страдает, настырная, - засмеялся Савченко.

Костя только махнул рукой.

На удивление, все дни похода Света вела себя более-менее прилично, иногда цеплялась к Воронову с разными просьбами, но не больше... Да и они с Ванькой часто были заняты работой и не всегда ходили в те же вылазки по маршруту, что остальная группа. Ванька все шутил, что она как кошка – выжидает, но Воронов отмахивался, писал свои черновики и продолжал думать об Але. Дожидаясь с нетерпением, когда они вернутся в начальную точку маршрута.

Глава 48

Для Али эти недели были горячей порой... Днем она пропадала на работе, записывали подкаст по материалам поездки. Вечером бежала на занятия в Школу приемных родителей, разговаривала с сотрудниками опеки, собирала документы, бегала по врачам.

Она все-таки оформила ипотеку и внесла первый взнос: Ира помогла ей, в тайне от Стаса, конечно, отдав свою записку и сказав, что Аля вернет, когда все решится более-менее... Ей не горит. От первоначальной, большой двухкомнатной квартиры пришлось отказаться, и после очередных поисков Аля все-таки нашла в том же спальном районе, где снимала студию, на несколько домов дальше, небольшую двушку. Точнее, вторая комнатка была совсем маленькой, но отдельной, а это значит, что у Ваньки будет своя территория.

Она верила... Бегала уставшая, замороченная кучей бумаг, подписей, справок, созвонами с Раисой, опекой... И – верила... Слишком хорошо помнила Ванькин крик в детском доме: Мама Аля...

Почему он так назвал ее? Но, Боже, каким бальзамом проливались эти его слова на ее сердце! Они будут вместе, она старается! После всех проверок ей дали предварительный ответ, что, скорее всего, решение будет положительным. И она, едва получив ключи, понеслась в комиссионку, купить

хоть что-то из мебели на первое время. После того, как грузчики ушли, девушка ходила по квартире, слушая гулкое эхо, гладила кровать для Ваньки, небольшой письменный стол, диван себе, шкаф, стол и два стула на крохотную кухню, холодильник и два шкафчика – один под мойку, второй для посуды – над ней. На большее пока не хватало... Но и так обойдутся.

Она смеялась сама над собой, впервые войдя в магазин игрушек... Купила несколько книжек, машинок, большой красивый трактор и набор для песочницы. Ирка отдала ей старые Анькины игрушки.

Аля тряслась, как осиновый лист, когда органы опеки пришли с проверкой жилья для принятия решения о возможности усыновления. Аля влезла еще в небольшой кредит, чтобы купить постельное белье, полотенца, посуду, да и вообще, всякие домашние мелочи... Ничего же нету у нее... Ходила за проверяющими, боясь увидеть соринку на полу... Она выдраила и без того новую квартиру до блеска. Обои простенькие, поклеила ей их женщина, которую Аля нашла по объявлению на подъезде. На полу уже лежал линолеум.

Она ничего не поняла по лицам проверяющих, спрашивать побоялась, ей сказали ожидать решения... И она ждала... По ночам и в выходные работала, в будни днем работала, вечером бегала по делам...

И – ждала. Она видела звонки Воронова, Ирка сказала ей, что он звонил, но сейчас они на маршрутах. Аля хотела было

перезвонить, но почему-то не решилась, а потом в суматохе и бесконечных страхах просто забыла...

Глава 49

И снова самолет расправляет крылья, поднимаясь в небо... В аэропорт Альку привезла Ира, которая шутила, что Алькой можно освещать всю Москву.

Вчера вечером они посидели на новой Алькиной кухне, отмечая долгожданное событие. Все! Все! Алька плакала, держа в руках заветную бумажку с решением опеки.

Ирка наливала вино, называла подругу сумасшедшей, а сама понимала, что означает все это для человека, который выстрадал свою боль...

И вот Алька снова смотрит в иллюминатор, считая минуты до окончания полета, снова трясется как осиновый лист, нервничает, ждет... Сегодня она переночует у Раисы и Павла, а завтра... Завтра, наконец-то, увезет Ваньку, чтобы уже не расставаться...

Павел снова встретил девушку в аэропорту, привез к ним домой, Раиса искренне радовалась за девушку, но переживала, что та совсем словно тень, черные круги под глазами... Но – счастливая!

Они проговорили допоздна, решая мелкие вопросы, Аля все выпытывала у женщины, как там мальчонка. Но Раиса улыбалась и говорила, чтобы Аля дождалась уже завтрашнего дня - увидит скоро своего сыночка.

Сыночка...

Слово-то какое... непривычное... Все для Альки непривычно, но ведь она сделала это, сделала! Наконец-то она приблизилась к своей мечте. Она не смотрит на все это сквозь розовые очки. Понимает, что Ванька - обычный ребенок со своими проблемами и капризами. Но ведь они справятся?

Вечером Аля опять затряслась, стало страшно, а вдруг что-то случится... вдруг не отдадут... Она мучала себя этими мыслями, переживала, перебирала документы в папке, перекладывала вещи для мальчика в рюкзаке, снова слонялась по комнате и думала, думала...

Глава 50

Весь день Костя с Ваней отмывались от похода, отсыпались, разбирали вещи, готовили документы и материалы. Вчера вечером они поздно вернулись с маршрута в ту же гостиницу, и завалились спать. Через день самолет...

Стас улетел в Питер, поэтому ближе к вечеру Воронов разговаривал с Иркой. Рассказал ей обо всем, потом опять спросил про Алю. Ирка помолчала, нехотя ответила:

- Костя, так она в Минводах, улетела сегодня утром.
- Где? – он аж сел от удивления.
- Э-э-э... Ну, она просила не распространяться, но я думала, вы уже поговорили тогда и ты в курсе?
- Нет... А что случилось, Ир?
- Так она полетела за этим мальчиком... Ваней... Она же все это время бегала по инстанциям, документы собирала, вот, получила разрешение на усыновление.

Воронов выругался:

- Она не говорила вообще ничего.
- А ты часто с ней говорил? Что-то темнишь ты, Ворон!
- Ир, прекрати, а?
- Да я-то что? Ты лучше себя со стороны послушай... И подумай... Ладно, это все, что ты хотел? А то Анька мне уже полкабинета разнесла...

Костя попрощался и отключился. Что за?... Она ни слова

не сказала ему обо всем этом, а ведь они виделись... Разговаривали тогда, перед его отлетом, обо всем... Видимо, не обо всем, раз она сочла, что ему не нужно об этом знать...

Он схватил телефон, набирая ее номер, и она, на удивление, сразу ответила.

- Аля? Аля, Ира сказала, я в шоке! Это что, правда?! Ты полетела за этим мальчиком? Ты с ума сошла, это же чужие люди?

- Костя, - голос ее прозвучал совсем устало, - я не хотела никому говорить... по крайней мере, пока не решится все... Слишком много всего случилось и поменялось, а я итак боялась каждого чиха...

- Чиха!? Ты собралась перевезти в Москву посторонних людей!

- Он не чужой мне, Костя.

- Аля... ты подумала?

- Да, Костя, я только об этом и думала, все время!

- Почему ты не рассказала?

- Костя... Я не хотела никому вообще... Это слишком личное...

- А я, значит, никто? А ну да, у тебя же муж, он теперь счастливый отец, да? – взорвался Воронов.

- Костя... Мне кажется, ты не имеешь права так кричать...

- Аля, что ты делаешь?

- То, что хочу!

- Аля!

- Костя, извини, я очень устала... и сегодня целый день...

- И он с тобой? Что же ты ревела тогда? Или помирилась?

Послышались короткие гудки: то ли связь оборвалась, то ли она бросила трубку. Костя сердито отшвырнул телефон. Прекрасно! Она творит непонятно что! И если делает это, значит вместе с мужем приняла это решение? А он-то, болван, ковырял себе мозг, думая о ней все недели похода...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.